

САША ГОТТИ

ЖУАРА

5

Влада. Бал Темнейшого

Саша Готти
Влада. Бал Темнейшего
Серия «Хроники темного
универа», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19025819
Влада. Бал Темнейшего / Саша Готти: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-098609-5

Аннотация

Великий бал нечисти готовится в Петербурге. Бал, на котором Владе предстоит стать невестой юного вампира. Но забыть того, кто любил ее и пожертвовал ради нее своей жизнью, она не может...

Еще никогда правитель нечисти не был таким юным и прекрасным. Еще никогда тайный мир Петербурга не содрогался от таких катастроф...

Содержание

Вступление	4
Часть первая	9
Глава 1	10
Глава 2	27
Глава 3	48
Глава 4	70
Глава 5	95
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Саша Готти

Влада. Бал Темнейшего

Вступление

Питерская полночь разливала лунный свет по анфиладам залов особняка на Английской набережной.

Глава Темного Департамента, прошагав по освещенной мерцающим светом галерее, приблизился к массивным дверям, и пара лакеев в расшитых серебром ливреях поспешно распахнула их перед ним.

– Темнейший ожидает вас, – прошептал один из них, склонившись.

Открывшийся зал утопал в темноте, в которой лишь угадывалась роскошная обстановка.

Пара глаз, горящих, как багровые уголья, сверлили вошедшего из темной громады огромного кресла, около которого топталось несколько придворных.

– Я явился выразить вам свое почтение, повелитель, и пожелать долгих лет...

– Оставьте формальности, – багровые глаза мигнули. – Любая нечисть от мелкого домового до вампирской элиты знает, что мое время на земле подходит к концу. Я жду вестей о ходе войны.

– Мы тесним войско светлых магов, – начал говорить глава Департамента. – Их мощь слабеет, вампирские кланы бросили всю свою нежить на то, чтобы отогнать врага как можно дальше. Все же первая проигранная битва дорого им обошлась. Сейчас светлые охотники громят наши отдаленные поселки, нападают на семьи нечисти...

– А мы все еще называем их светлыми, – с яростью перебил его Темнейший тихим, но жестким голосом. – Убивая нас, темных, они читают слова магического ритуала, забирая наши жизни в копилку своей магии. Чтобы продлить существование своего главного светлого мага! Светлого, как же!.. Напомнить, кто он такой на самом деле?!

– Некромант, мертвый маг, – произнес глава Темного Департамента.

– Вот именно. Мертвая тварь, облако пыли. Бывший глава Ордена Светлых Магов, возжелавший трон тайного мира! Светлые маги веками выполняли ритуалы по убийству нечисти! Все темные жизни шли в копилку некроманта, усиливая его! Эту тварь, возжелавшую трон тайного мира, мой трон!!! А мы продолжаем называть их светлыми...

– И все же они терпят поражение, в войне произошел перелом, – подал голос глава Темного Департамента. – Хоть над убитой нечистью и читаются слова ритуала, и каждая темная жизнь отправляется в проклятую копилку магии, – но это лишь с трудом поддерживает существование мертвого мага. Мы побеждаем, Темнейший...

– Мы побеждаем, верно, – медленно повторил повелитель нечисти. – Но теперь мы не остановимся. Не будет больше перемирия со светлыми. Никогда! Наша реальность – война до полной победы нечисти на земле. И великий бал, который мы ждем в ноябре, укрепит и подтвердит нашу власть. Как обстоят дела с его подготовкой?

– Охранная стена вокруг города уже почти построена, – оживился оборотень. – Ей осталось замкнуться, это вопрос нескольких дней. Новая столица тайного мира будет защищена не только на время бала, а на века! Носферон уже переехал, нечисть наполняет Петербург, ждет великого бала, Темный Департамент кипит работой...

– Я надеюсь, что Темный Департамент кипит по делу, а не как кастрюля с подгоревшим супом, – в голосе Темнейшего прозвучала ирония.

По рядам придворных прокатились услужливые смешки, которые затихли, стоило красным угольям в темноте мигнуть.

– Кстати, где та студентка Носферона, за которой у нас особенный контроль, она уже в Петербурге? – вдруг резко сменил тему хозяин тайного мира.

Зрачки оборотня сузились.

– Она... еще не в Петербурге. Мы в затруднении по поводу нее.

– Что-о?! – Удар кулаком достался столу, но придворные вздрогнули так, будто он обрушился им на головы. Темней-

ший подался вперед, и полоса лунного света обрисовала красивое, будто выточенное из камня хищное лицо.

– Темный Департамент что – сборище вурдалаков?! В чем ваши затруднения? Подробный доклад! – прозвучал жесткий приказ.

Глава Темного Департамента нервно зашелестел содержимым папки.

– В-влада Огнева, в октябре исполнится шестнадцать лет, студентка третьего курса Носферона. Осталась сиротой после гибели родителей. Отец – Виктор Суморок, вампир, мать – из светлого магического рода. Уникальная помесь темной и светлой кровей, именно жизнь Влады была бы решающей для перевеса в войне. Девушка по сути является сильнейшим вампиром, которому даже не нужно прикасаться к жертве – забирает не кровь, а энергию. Ради ее жизни некромант ввязался в войну. Сильнейший вампир, ее кровь эликсир абсолютной власти.

– На шее девчонки символ принадлежности к нашей семье, она избраница моего сына! Какие могут быть затруднения с ней, если на ней артефакт?! Моему сыну достаточно одного приказа!..

– Это решение вашего наследника – не трогать девушку, – поспешил ответить глава Темного Департамента. – Мы бы давно решили вопрос с ее перемещением.

– Вот как... приказ моего сына, значит. Девушка больна?

– Девушка – все же вампир, – осторожно ответил глава

Темного Департамента. – Э-э-э... по нашим данным, при нападении светлых охотников на Носферон погиб ее последний родственник, – добавил один из придворных. – А также ее однокурсник... тролль Егор Бертилов.

– Тяжело переживать потери – удел темных, – помолчав, произнес Темнейший. – Лишь светлые прощают себе все и всегда, легко забывая свои ошибки и преступления. Что же касается девушки...

– Мы ждем ваших приказов, Темнейший, – вымолвил глава Темного Департамента, и повелитель нечисти надолго замолчал.

– Что ж, мои века позади. Скоро я передам трон наследнику, и уже сейчас предоставляю ему самостоятельность в решениях судеб тайного мира. Девушка бесценна своей кровью, он это знает. На балу вампирские кланы должны увидеть украшение нашей семьи, драгоценность, которую мы представим как невесту моего сына.

– Наследник будет великолепным правителем, и вся нечисть устремляет к нему свои чаяния и надежды! – подхватили придворные.

– Тогда пусть он решает, как ему поступать с этим существом. Он сделает из девчонки то, что нам нужно, – правитель повысил голос, что означало конец аудиенции. – На благо всей нечисти!

– Во имя Темнейшего! – эхом повторили придворные, кланяясь и пятась к дверям.

Часть первая

Глава 1

Москва пустеет

«Перекресток» на отшибе Москвы в пять часов вечера был переполнен людьми. К кассам змеились длинные очереди, пиликали сканеры, пробивающие товар.

– Тысяча двести тридцать рублей, – отчеканила профессиональной скороговоркой продавщица, смерив взглядом гору глазированных сырков и их странную покупательницу.

Девушка лет шестнадцати на вид, одета не по-московски скромно. Темные волосы со странным сине-зеленым отливом, застиранная куртка и драные джинсы, с которыми резко контрастировал роскошный медальон в виде паука. Слишком дорогой на вид, он явно находился не на своем месте.

– Тысяча двести тридцать рублей! – громче повторила кассирша, с трудом отводя взгляд от сверкающего украшения.

Влада очень медленно полезла в сумку в поисках кошелька, долго ловила его, уже через полминуты ощущая на себе раздраженные взгляды очереди.

– Девушка, а побыстрее? – занервничала женщина у нее за спиной. – Ведь можно было заранее все посчитать!

– Да, сейчас... – Влада принялась копаться в сумке, звенеть мелочью, выгребая ее со дна сумки на прилавок. Секунды летели одна за другой. Очередь за спиной заволновалась.

– Вы мне собираетесь тысячу рублями набирать? – сурово осведомилась продавщица. – Я вас помню, вы часто приходите и постоянно вам не хватает денег!

– И я ее помню, как с ней в одну очередь встанешь – так обязательно либо всех задержит, либо снимают кассу! – нервно задышала в затылок Владе грузная женщина с маленькой, но не менее нервной собачонкой, которая тянула тонкую шею из тележки с продуктами.

«Радуйтесь, что остаетесь живы, – думала Влада. – Радуйтесь, ведь я контролирую себя и беру от вас так немного, что остаюсь полуголодной... А вы из магазина живыми возвращаетесь домой...»

– Ведь было же время подготовить деньги, если набрали столько! – не выдержала другая женщина из очереди. – Вы же всех задерживаете, а люди после работы, все торопятся! Лучше бы я в соседнюю очередь встала, уже давно бы прошла!

Влада, обернувшись, обвела внимательным взглядом напряженные и раздраженные лица. Сердились в основном женщины, а вот загорелый спортивный парень с нагруженной тележкой доброжелательно улыбался, разглядывая юную симпатичную покупательницу с явным любопытством.

Влада, тоскливо сглотнув, сама разозлилась – все равно, что перед носом лежал румяный ягодный пирог, а она обошлась только парой засохших ягод с оборванного куста. Осталось аккуратно собрать те эмоции, которые сейчас метались в воздухе...

– Дамочки! – вдруг послышалось позади, и тщедушный узколицый паренек в серой толстовке принялся толкаться и

пробиваться к кассе. – Пропустите, я заплачу за нее, я!

Оттолкнув женщину с собачкой, щуплый полез в карманы своей куртки, и из них вдруг брызнули сухие тонкие макароны.

– Не, не то, ща!.. – он продолжал топтаться на месте, с хрустом давить подошвами кроссовок выпавшее из карманов богатство. – А вместо денег макаронами возьмете?

– Молодой человек, выйдите из магазина! – завопила продавщица, которой вылетевшая макаронина попала прямо в глаз. – Охрана!

Охранник магазина, рванувшись к кассам, был остановлен внезапно налетевшим на него ливнем сухих спагетти, от которых ему пришлось закрываться руками. Очередь зашумела: на головы покупателей сверху, из ниоткуда, сыпались макароны, падая за шиворот, застревая в волосах.

– Ох... Охрана! – продолжала подавать сигналы бедствия продавщица. – Куда вы смотрите?! Что тут происходит, макароны на голову откуда?!

– Макароны?! – оскорбился щуплый, ткнув себя большим пальцем в грудь. – Это вам не макароны, а домовое проклятие! Я нечисть, просекаете, дамочки?!

– Да они издеваются! – вскипела женщина с собачкой. – У одной денег нет, а набрала сто сырков, теперь еще парень фокус с макаронами устроил! Они заодно, я таких знаю! Проверяйте-ка сумки, у кого вытащили кошелек!

Очередь дружно запаниковала, вытряхивая макароны из

волос и начав рыться в сумочках и карманах.

– Гоните его в шею!!! – закричала еще одна женщина с багровым от ярости лицом.

Очередь бушевала, кипела и возмущалась. Наглого паренька ругали, охранник, который обнаружился неподалеку, все еще боролся с небольшим локальным смерчем из макарон, который крутил его на месте, не давая прорваться к кассам.

– Вы будете платить за покупки? – рявкнула кассирша, мысленно желая девчонке с сырками провалиться в специальный ад для самых ужасных покупателей.

– Я забыла кошелек, – еще с минуту покопавшись в сумке, вздохнула Влада, после чего кассирша возмущенно принялась перекладывать сырки, звать помощницу с ключами от кассы, отвечать раздраженным покупателям, и самое главное – сердиться, сердиться, сердиться...

Выбравшись на улицу, где под дождем на парковке деловито толкались машины, Влада прислонилась к стене магазина. Вот теперь, после скандала у кассы, было гораздо лучше, даже хорошо. Это все равно был голод, но уже не такой мучительный.

Прикрыв глаза, Влада сквозь ресницы смотрела, как хмурый московский день перетекает в вечер, как суетятся вокруг своих машин люди с тележками покупок.

Нынешнее начало сентября было пустым и беспощадным. Без привычного гомона сокурсников, без Носферона с его вечным ворчливым охранником, без аудиторий и лекций, без переживаний и звонков деду о том, как она добралась до университета... и без Егора.

Егор снился постоянно, приходил и молчал, глядя на нее из-за пелены то ли дождя, то ли тумана.

Потом сон переносил ее на кухню, в старую питерскую квартиру на Садовой улице, и дед неторопливо заваривал ей чай, позвякивая фарфоровым чайником.

– Мне приснился такой ужас, деда... – жаловалась Влада. – Что мой мир рухнул, и я не знаю, как мне жить дальше.

– Да как же рухнул, – дед улыбался, поглядывая в окно. – Все в порядке, мир на прежнем месте. Только вот дождик пойдет скоро. Что же ужасного тебе приснилось?

– Тот день, когда мы сдавали экзамены в Носфероне... – сбивчиво объясняла Влада. – Наш дежурный ведьмак явился прямо на экзамены и напал на нас! Он чудовище, собиратель жизней, обманщик... и моя жизнь оказалась главная! Я ведь не такая, как другие. И самое страшное... Мне приснилось, будто Егор заменил меня собой, спас нас всех, понимаешь?! А ты приехал в Носферон в день битвы, и... и... деда-а... – совсем по-детски всхлипнула Влада, цепляясь за рукав ста-

риковского кафтана.

— Ну что ты, Владочка, перестань, — уговаривал дед, позванивая чайной ложкой в чашке. — Вот, выпей чайку с ромашкой, у тебя снова низкое давление. Все это страшные сны. Ведь я здесь? — дед посмеивался, качая головой. — Да и путь Егора не закончен. Ух, дождиком не обойдется, сейчас гроза какая будет, смотри...

Влада припадала губами к чашке, ощущая жар от ромашкового настоя и радостно глядя на начало весенней грозы в распахнутом окне. Над крышами прокатывался гром, занавески на кухне взмывали под потолок от порывов ветра, и крупные капли начинали барабанить по подоконнику.

Внизу, на залитом дождем асфальте, отражался как в зеркале двор, плывущий в облаках сиреневого цвета; спасаясь от ливня, между лужами поспешно трусил рыжий кот. Светловолосый паренек лет семнадцати бежал через двор, размахивая букетом сирени...

Потом во сне приходило понимание, что все происходящее нереально.

Пальцы вцеплялись в клеенку на столе, будто стараясь удержаться на этой кухне и в этом весеннем мире, Влада кричала, что хочет остаться, и... тут же просыпалась.

А реальность обрушивалась опустевшим домом на окраине Москвы, опостылевшим и чужим, который после смерти деда будто сжался и стал гораздо меньше, чем был.

Влада брела в ванную и подолгу разглядывала себя в зеркале, пытаясь осознать, кто же она теперь такая. Перерождение в вампира благотворно отразилось на внешности, даже сделало ее выше ростом, и принесло красоту, которой раньше не было. Только красота была другой, совсем не такой, как у девчонок-вампириш с вампирского факультета. Те были хищно-красивыми, агрессивными во всех движениях и словах. А Владе достаточно было молчать, но даже в молчании и спокойствии она притягивала взгляды так, что трудно было оторваться. Выровнялись черты лица, ставшего утонченно-красивым, даже исчез вечный шрам от детской ветрянки над бровью. Плечи расправились, фигура стала гибкой и в то же время по-девичьи округлой, из облика ушла подростковая угловатость. Больше не девочка, а девушка – только, несмотря на всю свою красоту, печальная и напряженная...

* * *

«Я будто зависла во времени, остановилась и не знаю, что мне делать дальше. Где-то далеко идет война светлых с нашими. Тайный мир живет, движется, а я – нет. Будто погибла тогда, вместе с Егором... почему я постоянно слышу во сне, что его путь не закончен?»

Мысли в голове текли медленно, и Влада словно оцепенела, глядя как открываются и закрываются стеклянные пасти супермаркета.

Щуплый паренек с бутылкой колы выскочил из магазина, встал и принялся отряхиваться от макарон, оглядываясь по сторонам. Заметив, что Влада на него смотрит, он широко улыбнулся, показав острые мелкие зубки.

– Ливченко, подойди сюда! – негромко окликнула его Влада. – Вот скажи, я просила устраивать это безобразие?

– Опаньки, Огнева! – делано удивился паренек. – А я в магазине терзался – ты или не ты?!

– Подойди сюда, вун несчастный.

Паренек вздохнул и нехотя приковылял напрямик через огромную лужу, загребая ее кроссовками. В сумерках его глаза чуть заметно отсвечивали фиолетовым: первый отличительный признак нечисти, который люди обычно не замечают. И уж тем более не знают, что у каждой нечисти свой оттенок глаз: а фиолетовый отличает именно домовых.

– Зачем ты вообще полез орать, что ты нечисть и сыпать своими домовыми проклятиями?

– Да больно было смотреть на тебя. Смертельная вампирша, которая питается объедками, – паренек хихикнул, взбалтывая жидкость внутри пластиковой бутылки. Побывав в янве, обычная вода приобрела новый вкус, играющие искорки и гордое название «жуть-кола» – любимый напиток нечисти. – Я, конечно, не напрашиваюсь на спасибо, но воздух там прямо искрился. Запить хочешь?

– Нет! – фыркнула Влада. – Если не просят, так не суйся со своей помощью, Ливченко!

– Ващ-ще я как бы твой личный домовой, – развязно ответил Диня. – Приписан к твоей семье, и стопудово помогать должен. Короче... Огнева, ты ващ-ще забыла, кто ты такая?

– Не смей меня называть смертельной вампиршей! Я людей не убиваю!

– Ла-адно, – протянул домовой, морща нос. – Но я не о твоих силах, на которые тебе наплевать с высокой колокольни. Ты отхватила лучшего парня в тайном мире, и чего тормозишь теперь? Тебе полагается дворец – раз, привилегии – два, свита – три...

– Не лезь не в свое дело. Еще свиты мне не хватало.

– Вот не хватало! – не унимался домовой. – И свиты, и дворца в Питере, и бала, и ващ-ще! Темнейшая семейка это же круть, шикардос, у них же денег немеряно! Мы же с тобой теперь элита тайного мира...

– Та-ак, ну все ясно, – оборвала домового Влада. – Потому ты и не отстаешь. Хочешь попасть ко двору Темнейшего, карьерист несчастный...

Домовой вжал голову в плечи и заморгал глазками, изобразив на физиономии «покерфейс».

– Так вот – обойдешься, Ливченко! Я еще не невеста ничья, и не будет у меня никаких свит. Иди-ка ты на все четыре стороны!

– И не подумаю, – буркнул домовой. – Ты просто свихнулась, все уже говорят...

– Обнаглел?! – Влада вдруг, не справившись с собой, схва-

тила домового за шиворот и как следует встряхнула. – Да как ты смеешь?!

– Во! Вот другое уже дело! Видишь, какая ты должна быть?! – завопил домовой, пытаясь вырваться. – Люди добрые, домового пытаются!!! Ай-ай! – Ливченко попытался было вырваться, но Влада приподняла его в воздухе одной рукой и держала на весу, пока он дрыгал тонкими ножками.

Прохожие оглядывались на странную сцену, видя, как худенькая на вид девушка держит на весу подростка, яростно встряхивая его за шиворот. Сила закончилась через несколько секунд – рука ослабла, и Диня полетел кубарем на асфальт.

Влада, перепугавшись, бросилась поднимать домового, но тот быстро встал на ноги, отряхивая куртку от налипшей грязи.

– Дурень, ты не понимаешь, что я свои силы еще плохо рассчитываю! – с досадой обругала его Влада. – Ушибся?

– Норм, без обид, – Диня шмыгнул носом, отряхивая джинсы. – Стопудово, Огнева, ты до ручки дошла со своими задвигами. Пора любым способом вправить тебе мозги, если никто не может! А я – смогу.

Влада снова рассердилась, и Диня смылся моментально, оставив только брошенную на асфальт пустую бутылку колы и чиркнувшую по сумеркам полоску отсвета фиолетовых глаз.

Оставалось только добрести до метро, сесть в маршрутку

и через полчаса езды по колдобинам оказаться в Огоньково.

Поселок за МКАДом, похожий на обычное садоводство на отшибе, сейчас выглядел темным и мрачным.

На въезде Владе посигналило такси: из приоткрывшего окна выглянула физиономия соседа, – тот ехал в обнимку с огромной коробкой, в которой что-то звякало.

– Огневые, еще не уехали? – выкрикнул он. – Чего ждете-то? Я Марочку спросил, почему еще не в Петербурге – она трясется, вся на нервах. Пойдешь домой, будь осторожнее – в Огоньково сегодня змеи понабежали...

– Ага, спасибо! – махнула Влада рукой. – Счастливого пути!

Машина унеслась прочь, а Влада зашагала домой, стараясь не смотреть на темные окна домов по обе стороны дороги. Из куч опавших листьев раздавалось шуршание, и лучше было не проверять, что там шуршит. Да и в небе над поселком было беспокойно: под свинцовыми тучами носились стаи ворон, и их хриплое карканье доносил ветер.

Единственные окна, которые светились сейчас в опустевшем поселке, были окнами старого кикиморского дома. После смерти деда он будто осел, врос в землю и сжался в размерах.

Первое, что Влада увидела, поднявшись на крыльцо – взволнованную кикимору Мару Лелевну, которая топталась около пестрой горы своих чемоданов. Даже ядерный взрыв не заставил бы кикимору забыть о своей внешности: боевой

макияж, белоснежное пальто и волны «Шанели», которые разносило ветром на все Огоньково.

– Владочка! – кикимора ахнула, устремив на Владу растерянный взгляд. – Пожалуйста, я прошу тебя, нужно делать то, что скажут! Умоляю! Ох...

Влада, не ответив Маре, прошла в дом, уже в прихожей ощутив еще один аромат духов: сладкий до головной боли. Двери в столовую были распахнуты: внутри мелькал яркий сиреневый костюмчик замректора Носферона Ады Фурьевны. Та уже лет тридцать как находилась в неопределенном возрасте, хотя из-за своей миниатюрности сошла бы со спины за человеческую пятиклассницу. Даже на фоне ярких розовых обоев ее фигурка резала глаза ядовитым пурпуром: как и все фурии, Ада одевалась как спятивший попугай, а прическу делала в виде огненного кудрявого шара.

Сейчас она топтала высоченными шпильками выцветший ковер, обмахиваясь черной кожаной папкой с бумагами. Фурия явилась в дом Огневых не одна: рядом подпирали стены двое парней с вампирского факультета. Герка Готти, похожий на случайно превратившегося в парня черного ворона, из-за зачесанных назад темных кудрей и отрывистой манеры разговора, и светловолосый Дэн Холодов, которого в Темном Универе звали просто: Холод. Оба, как знала Влада, были приятелями Гильса Муранова, вечно шатаясь с ним по Носферону с наглыми рожами, только вот сейчас вампиры выглядели непривычно серьезными.

– Здравсьте, всем... – Влада перевела взгляд на мальчишек, и те выдавили из себя что-то вроде «привет».

– Здравствуйте, Огнева, – ласковым тоном произнесла замректора Носферона. – Я вижу, что вы здесь уже на чемоданах, готовитесь к отъезду в Петербург, не так ли?

– Вообще-то, это чемоданы Мары Лелевны, а я остаюсь в Москве, – помолчав, ответила Влада.

– Так... та-ак... – пропела Ада Фурьевна и расплылась в змеиной улыбочке. – Значит, я приехала сюда не зря. Вы, наверное, еще не знаете, что с некоторых пор я являюсь новым ректором Носферона.

– Н-не знала, – Влада хотела было спросить, что случилось с ректором Батори, но передумала. После нападения на Универ старый вампир и так постоянно говорил, что отойдет от дел. Сколько же всего она пропустила?..

– Так вот, наш университет переживает сложные времена, – продолжала фурия. – Переезд из Москвы в Петербург... это хуже пожара. И тем не менее я оставила все неотложные дела только ради того, чтобы побеседовать с вами. Поскольку понимаю, что вы растерянны, и потеряли ориентиры в жизни. Вы пережили болезненное перерождение в вампира. Ваш дед, уважаемый Вандер Францевич, трагически погиб. Это слишком много для пятнадцати лет...

– Мне скоро шестнадцать, Ада Фурьевна. И... спасибо, но я справляюсь.

Фурия поджала фиолетовые губы, проигнорировав эти

слова.

– Кхм, – она деловито прокашлялась. – Нет, не справляйтесь. Конечно, вы девушка целеустремленная и ответственная, великолепно учились, и мы всегда видели вас среди лучших представителей тайного мира, среди отличников и лучших выпускников Носферона. Но волей судьбы вы поднялись еще выше – вы получили возможность войти в семью Темнейшего! Волею судьбы вы – избранница наследника, который скоро взойдет на трон тайного мира... вы помните об этом?

«Адочка, похоже, прискакала сюда поправлять мои свихнувшиеся жизненные ориентиры», – мысленно добавила Влада, видя, как бегают глазки фурии.

– ...поэтому вы должны понять и осознать: вас никто не оставит в одиночестве, – продолжала Ада Фурьевна. – В Петербурге вас ждет ваша новая семья...

– Моя новая семья? – сначала эта фраза показалась жестокой насмешкой, но фурия быстро продолжила:

– Огнева, вы понимаете, что ваша семья, которая у вас осталась, это семья Темнейшего? Вы должны жить там, где вам положено, во дворце. На вас знак принадлежности к этому могущественному клану, вас ждет совсем другая жизнь...

– И вы про мою другую жизнь! – Влада почувствовала, что ее заносит. – А мне нужна эта, в которой я не купаюсь в собственном могуществе! Где меня все оставили в покое...

– Не желаете, значит?... Но в таком случае вы нарушаете

все, что только возможно, вы даете повод применять к вам иные методы воздействия...

Герка шумно выдохнул, и Ада Фурьевна, бросив в его сторону злобный взгляд, не стала заканчивать фразу.

Наконец пришла очередь бумаги в папке – Ада Фурьевна вытащила ее.

– Вот, приказ Темного Департамента доставить вас ко двору Темнейшего любым способом. Одумайтесь, Влада.

В комнате воцарилась тишина, только были слышны приглушенные вздохи Мары за дверями да нервный стук каблучков Ады Фурьевны.

Влада взяла листок, пробежав его глазами. Фраза «проводить любым способом» обидно резанула самолюбие.

– Я отказываюсь ехать.

Вообще-то, любое противодействие фурии было чревато болезненным ядовитым плевром, ожог от которого можно было вылечить, только прыгнув в бассейн Носферона. И любой из студентов получил бы этот плевок сразу же. Но Ада Фурьевна не взбесилась, а лишь сладко улыбнулась, и пару раз обмахнулась воротом своего фиолетового пиджака, плеснув на Владу удушливый аромат тяжелых духов.

– Очень жаль, что вы не поняли лучших намерений и так неблагодарны, – медовым голосом заявила фурия. – Но вы забываете, что, игнорируя Темнейшую семью, вы противопоставляете себя всему тайному миру. И Носферону в том числе, а ведь вы еще и лицемерно носите его значок...

– Да пожалуйста, могу снять! – звенящим от нервного напряжения голосом выкрикнула Влада. – Не нужен мне ваш Носферон...

Трясущиеся руки сами отстегнули значок от свитера. Булавка до крови впилась в пальцы, будто значок не хотел расставаться с хозяйкой. Бросить на пол не поднялась рука, и она ткнула его в протянутую ладонь Герки. Как все-таки хорошо, что он ее протянул.

Фурия зашипела, и ее глазки налились кровью, но плевком ядом достался все-таки ковру. Шпильки ректорши Носферона, казалось, пропороли насквозь старый паркет, настолько яростно она выскакивала из старого кикиморского дома.

Глава 2

«Владоведение»

Бывают в жизни такие неприятные минуты, когда понимаешь, что сказанное прозвучало глупо и необдуманно, и в то же время уже ничего не вернешь. Перед глазами все еще мелькало перекошенное лицо ректорши... что и говорить, почти отшвырнуть свой значок Носферона – такой поступок не приснился бы и в страшном сне.

Сидя за кухонным столом, Влада терла пальцами ладонь. Пальцы размазывали что-то липкое, остро пахнущее железом: кровь от иглы значка Носферона, расстаться с которым не согласился бы ни один студент.

– Владочка, ну что же это такое!.. – причитала Мара. – Тебе же нельзя тут оставаться, нужно уезжать сегодня же, сейчас! Если бы Вандер был жив! Какой ужас...

Влада старалась не поднимать глаз, потому что напротив нее за столом сидел Герка и терзал в пальцах салфетку. Холод беззаботно ковырял ногтем наклейки на холодильнике, хотя уже и так было понятно, что оба вампира тяготятся тем, что им поручили.

Откуда-то неведомым образом в кухню принесло Диню Ливченко, хотя наверняка он и при скандале прятался где-то поблизости. Теперь же домовой сидел на подоконнике, грыз сморщенное прошлогоднее яблоко, которое нашел в саду, и таранился на всех сразу.

– Хоть поняла, чего ты наговорила-то? – спросил Герка. – Ты сказала – не нужен мне Носферон! Ада такое вряд ли

переварит, Огнева...

– И ладно, пусть... – бормотала Влада, хотя и сама уже понимала, что совершила нечто ужасное. – Мне теперь все равно...

– Зато нам не все равно! – Герка отшвырнул салфетку, свернутую самолетиком. – У нас приказ от Темного Департамента... да что там – просто от Муранова, насчет тебя. Если Аде не удастся тебя уговорить, то схватить и доставить в Питер против твоей воли. Ты, конечно, вампир, но все равно сил своих не используешь. А нас с Холодом двое, к тому же имеются подконтры. Неужели не доходит?

– Так хватайте, – Влада высморкалась в салфетку, чтобы скрыть подступающие слезы. – Ну, чего же вас останавливает?..

– Ребятки, может чайку, я чайник поставлю, – глупо и не вовремя засуетилась Мара, но Герка покачал головой, и кикмора стихла, так и застыв с чайником в руках и растерянным выражением на лице.

– Огнева, давай без пафоса, просто поговорим, – Герка обстоятельно прокашлялся, будто готовился к долгому объяснению. – Нас останавливает то, что мы с тобой учились вместе еще с Утесума, столько всего прошли. Ада поговорила с тобой паршиво, но и ты неправа. Мы ведь все понимаем. У тебя это...

– Депресняк, – подсказал Холод ровным голосом, продолжая щелкать магнитиками. – Ты не думай, что у вампиров

депры не бывает. Еще как бывает, и тяжелейшая. Особенно когда вампир теряет кого-то из близких.

– Большое спасибо за понимание! – Влада разозлилась. – Только я обойдусь без диагнозов.

– Вот Холод правильно высказался, – Герка снова прокашлялся. – Поэтому ты сейчас не понимаешь, что тебе нужно, а что нет. Дед бы твой именно это тебе и объяснил, а так больше некому... – Герка покосился на Мару, но кикимора не обиделась, не приняв это на свой счет. – Извини, что напомнил про деда. Вандера Францевича жалко, ну и...

– Бертилова, – произнес за Герку его приятель, который будто подхватывал те фразы, которые Герман не хотел заканчивать.

– Да, его, – Готти опустил глаза. – До сих пор не верится. Ладно. Самое главное, что ты ведешь себя не так, как должна. Весь тайный мир знает, что трон скоро займет молодой Темнейший, и знают, что у него есть девушка. Пора тебе очнуться, жизнь-то идет дальше!

– Так пусть прикажет мне срочно измениться, раз я не могу очнуться! Странно, что вы со мной вообще еще разговариваете, когда у меня на шее поводок.

– Не надо так называть ценность, которой удостоила тебя темнейшая семья, – ответил Герка, которому все труднее давался этот разговор. – Муранов проявляет к тебе уважение и не хочет ломать твою волю. Да, он не монстр, представь себе. И знаешь, несмотря на то, как он высоко взлетел, для

нас он все тот же пацан, с которым мы делили одну комнату в общежитии и списывали на вампирологии. Но и для тебя Гильс не просто однокурсник. Забыла, как в день зимней сессии вы оба вошли в Носфер в обнимку? Мы все тогда поняли, что Муранов сделал выбор. А теперь тебе пора выкинуть депрессию подальше и стать супердевчонкой, которая достойна его! Ау, ты помнишь про Гильса Муранова?

Герка, выдав эту длинную речь, замолчал, и Влада, подняв на него глаза, вдруг с удивлением подумала, как он сильно повзрослел за последние полгода. Вместо смешного мальчишки, который швырялся ботинками в темных существ в коридорах Утесума, – серьезный юноша, который даже умел складно разговаривать и в чем-то убеждать.

Только вот понять ее Герка не сможет. В его мальчишеском представлении все прямолинейно и просто. Влада – сумасшедшая, у нее помутнение после смерти деда и гибели Егора. И еще она неблагодарная, потому, что лучший парень в Носфероне и наследник Темнейшего удостоил ее вниманием, и ни одна девушка на свете не отвергла бы его, никогда.

* * *

Смешной вопрос – помнит ли она про Гильса Муранова. Помнит ли жаркий августовский вечер на Садовой улице, родной двор и свою, еще человеческую, жизнь, прежнюю школу, подруг, посиделки с болтовней во дворе. И ту мину-

ту, когда Гильс пришел в их двор. Тогда он был так похож на юного пирата в своих рваных черных джинсах и черно-красной футболке... Темноволосый и красивый настолько, что Влада готова была провалиться сквозь землю со своей застенчивостью под взглядом черных насмешливых глаз. Он увел ее в тайный мир, они стали учиться вместе в Темном Универе... С его стороны всегда было только покровительство, хотя он старше-то всего на год. А вот ее отношение к Муранову можно было описать только одним словом: «безумие». Потому что скромная тихоня никогда бы не стала так позорно бегать за мальчишкой, растекаться как мороженое под солнцем, стоило ему лишь поманить пальцем или просто улыбнуться.

Какая ей разница, что Гильс Муранов кем-то там стал, разве только это непреодолимо тянет ее к Муранову? Тянет, несмотря ни на что. Даже на то, что ответная любовь вампира оказалась такой же властной и жесткой, как и медальон, который он на нее надел.

А еще был Егор Бертилов, всегда где-то неподалеку. Сначала она просто привыкла к мысли, что нравится троллю, и купалась в девчоночьей гордости. Стоило Бертилову сделать вид, что он забыл ее, начинала ревновать и хотела, чтобы все вернулось на свои места. Не отпускала она его, да он и сам не хотел отдаляться. А теперь его вечная озорная улыбка и чуть хрипловатый, ломающийся юношеский голос стали воспоминанием...

Смерть Егора перепутала и переставила все местами, разбив жизнь надвое. Упрямая идиотка в понимании Ады Фурьевны и вампиров, вроде Герки – но что они знали о той последней минуте, когда Егор смотрел в ее глаза?

* * *

– Вы перепутали ошибку мироздания с супердевчонкой, – пробормотала Влада и невпопад добавила: – Почему мы все бежим от некроманта в Питер, разве он побеждает?

– Не сидела бы в Москве, не задавала бы таких вопросов, – неохотно отозвался Герка. – В тайном мире война, если ты забыла. Питер становится столицей, форпостом нечисти, это значит – город защищен по периметру! – Герка провел пальцем по поверхности стола. – Город будет как крепость, вокруг него создается стена нежити, и ее границы скоро сомкнутся. Разумеется, все темные тут же ломанулись туда. Ну а Носферону все равно надо было уезжать – Сухаревская зловоротня разрушена. Да еще Питер сейчас готовится к проведению бала. Бал это ритуал домового права, сильнейший, и мы все должны его проводить, понятно?!

– Есть и еще причина, по которой нашим в Москве сейчас лучше не оставаться. В центре Москвы после битвы янв очень сильно штормит, – проронил Холодов. – Туда нам больше не зайти, потому эти места и оставляем...

– Все верно! – подтвердил Герка. – Москва сейчас вооб-

ще непригодна для нечисти, в янв даже нос не сунешь – снесет и очнешься за тыщи километров. Здесь в Огоньково чуть потише, но и тут оставаться нельзя. Мара Лелевна, вас тоже касается.

– Да-да, я... понимаю, – пробормотала Мара и вздрогнула, когда Диня уронил на пол огрызок яблока и тот запрыгал по линолеуму, закатившись под холодильник.

– Ты немного успокоилась, Огнева? – Гера похлопал ребром ладони по столу. – Теперь перейдем к главному вопросу. Мы здесь не для того, чтобы утолять твой информационный голод. Нам приказано доставить тебя в Питер, хочешь ты этого или нет.

– А ты, значит, парламентар?

– Если у вас с Мурановым отношения как у двух воюющих государств, то я вроде посла, – подтвердил Герка.

– Странно, почему не Алекс, – пробормотала Влада, вспомнив про старшего брата Гильса. Всегда сложные проблемы, которые касались ее, решал именно Алекс. Приезжал, ругался, разруливал, ворча как ее родственник. – А что с Алексом, Гер?

– Неважно, – вампир уклонился от ответа. – Я тебе вообще больше ничего не скажу, никаких новостей.

Поезжай в Питер, хватит дурить. А мы забудем, что собирались применить к тебе силу.

– Гарантирую, – эхом повторил Холодов.

Влада промолчала, и Герка, обрадованный ее молчанием,

продолжил:

– И кстати подарок Муранова прими, я тебе его пару месяцев назад передал. Мара сказала, ты даже не открывала...

– Подарок – это та коробочка, которая пылится в прихожей? – Влада усмехнулась. – Спасибо, но мне хватило медальона, который теперь не снять.

– Огнева, лучше не зли нас! – рассердился Герка. – Ты же, как нарочно все делаешь, чтобы взбесить! Я уже тебя сам убить готов!.. – Герка красноречиво растопырил пальцы и взлохматил свою шевелюру. – Все! Напомнить тебе, что у нас, Готти, тысячи подконтролов мертвого воронья?! А у Холода они вообще неприятные – змеи, если помнишь. Ну, куда же тебе против нас со своими ненадежными силенками...

Влада помолчала, хмуро поглядывая на вампиров.

– Меня потащат силой, если я откажусь?

Герка резко встал с табуретки, потеряв терпение.

– Хороший вариант!

– Мальчики, мальчики! – всполошилась Мара. – Тише, только не надо вот этого, Герочка! – она вцепилась в локоть юного вампира. – Владочка расстроена, успокойтесь все, пожалуйста!

– Вы мне рукав оторвете, Марлелевна! – отбивался от кикиморы Герка. – Муранов и так ее полгода не трогал, давая ей время прийти в себя! Ну почему девчонки такие идиотки?!

– СТОП! Так! Вы все лохи! Хватит треп гнать не по делу!!

Громкое заявление, которое повергло Герку и Холодова в ступор, донеслось с подоконника. Диня Ливченко прыгнул с него и поглядел на двух вампиров с откровенным бахвальством.

– Я ждал, когда ситуация зайдет в тупик! – самодовольно выкрикнул домовой. – Но – одна минута, и Огнева передумает. А у вас будет пара по «владоведению»...

– Чего-о? – Герка вытаращил глаза вслед домовому, который выскочил из кухни.

Из коридора слышались его быстрые шажки, потом хлопнула входная дверь, раз – другой. Шаги донеслись снова, только теперь вместе с Ливченко шел еще кто-то, волочивший за собой, судя по звуку, нераскрывшийся парашют.

Домовой втолкнул в кухню кого-то упирающегося, кто был обсыпан серой с ног до головы. Наполовину это существо присутствовало в реальном мире, но наполовину все еще оставалось в янве – по колено ноги были не видны.

– Ну, помогите втащить-то его!! – Ливченко обвел взглядом оторопевших ребят и Мару. – Это же валькер Ацкий, не узнали?!

– Ацкий... Димка?! – Влада ахнула, поднимаясь с табуретки. – Ац, что с тобой... что же это такое?!

Герка подскочил к несчастному и вместе с Владой и Диней они помогли валькеру выбраться из янвы и плюхнуться на паркет. Вид у него был не просто измученный: глаза у Ацкого запали, лицо было в красных шрамах, руки дрожали, а

крылья стали похожи на рваные черные тряпки, обсыпанные хлопьями серы.

– Пожрать... есть чо? – глухим голосом спросил валькер, не глядя никому в глаза.

Мара, ойкнув, метнулась к пакетам, приготовленным в дорогу, и через минуту Ацкий запихивал в пасть бутерброды и пирожные, запивая все это гранатовым соком и молочными коктейлями.

– Что с ним?! – Влада посмотрела на Герку, который почему-то усмехался. – Что тут смешного?! Его что, светляки ранили?!

– Да нет... Ты же помнишь, что у них прошлой зимой с Синициной роман случился? – Герка посмеивался, демонстрируя настоящее вампирское бессердечие. – Все было супер: она ему шарфики покупала, он ей цветочки дарил. Крутил мозги девчонке, но забыл, что связался с фурией. В начале лета Ац решил, что ему свобода дороже...

– Но Ацкий прохлопал ушами, что с фуриями так не поступают, – подхватил Диня. – И что у нее есть родственники и подружки. Дальше надо объяснять?

– Это они его так? – Влада с жалостью и ужасом рассматривала когда-то веселого и беззаботного валькера.

– Не надо мне напоминать про этих тварей, – с усилием проглотив бутерброд, попросил Ацкий, которому само слово «фурия» явно доставляло физическую боль. – Вот про что угодно говорите, про светлых некромантов, про смерть – но

не про этих... Что я ей такого сделал?! Мы хорошо провели время, просто не подошли друг другу.

– То есть, если перевести с языка парней на нормальный, ты ее бросил? – уточнила Влада.

– Если перевести с нормального языка *на язык девчонок*, то да – бросил, – огрызнулся Ацкий. – Она нажаловалась подружкам. Вы помните третий «Терминатор»? Вот ту бабу, от которой не скрыться было никуда, из жидкого железа? Вот теперь помножьте ее на десять, потому что у Синициной, кроме подружек, еще куча родственников. Их примчалась целая стая, преследуют и жгуг ядом, жгут... – Валькера передернуло, и он прикрыл глаза. – Первым делом сожгли крылья, чтобы не улетел, я – в янв от них. Там правда дико штормит, поэтому торчал в лесах под Огоньково. Все лето бомжевал, только из янва вылезу – эти тут как тут! В Москве остался, а родня вот в Питер улетела вся...

– Яд фурий, ну конечно! – Мара вдруг просияла, и полезла в свою блестящую стразами красную сумочку. – Я же работала в Носфероне! Немножко припасла, хотя бы лицо протереть, но на крылья не хватит. Думала – никогда не пригодится...

Кикимора вытащила пузатый флакончик, отвинтила крышку, и по кухне пополз острый аромат болотной вони.

– Вода из нашего бассейна? – Влада вдохнула его с удовольствием, но погрустнела, вспомнив, что теперь ей не видать, как самого бассейна, так и стен Носферона.

– Да-да! – Мара опрокинула флакон на свой носовой платочек. – У меня всегда есть запас этой воды, вдруг фурия плюнет... Вот, Димочка, приложи к ожогам и держи подольше, – кикимора протянула валькеру мокрый платок, воняющий болотом. Тот развернул его и положил на лицо, издав облегченный вздох.

– Что же эти фурии, совсем озверели?.. – запричитала Мара. – Так изуродовать мальчика, как же он теперь будет с такими дырами в крыльях летать??

Возня вокруг Адцкого поутихла, когда валькер поел и с ног до головы был обмазан лекарствами. Теперь он развалился на полу, очень похожий на картину Врубеля «Демон сидящий», удобно откинувшись спиной на холодильник и щуря глаза на лампочку под потолком. За время, проведенное в янве, он явно отвык от любого света, да и от разговоров.

– Будешь знать, герой-любовник, как с фурией связываться, – Герка, который цинично посмеивался над пострадавшим валькером, повернулся к Ливченко. – Зачем ты его сюда притащил, мелочь домовая?

– Я повторяю, вы все лошары, – Диня смакуя произнес это слово. – Ада примчалась сюда пугать Огневу изоляцией, Муранов прислал вас и хочет применить к Огневой силу. И только я – один умный! Я понял, что наша принцесса очнется, если для нее это будет единственная возможность кого-то спасти. У нее же во... – домовый невежливо покрутил пальцем у виска. – Светлая кровь в башке рулит! А вы все – лохи!

– Ливченко, сможешь рассчитать скорость и дальность полета охамевшего домового от вампирского пинка? – задумчиво спросил Герка, делая шаг в сторону наглеца.

– Огнева, ты спасешь Ацкого от фурий, если пригласишь в свою свиту! – быстро выпалил Диня, отступая от Герки в угол кухни. – Тот, кто состоит в свите особ темнейшей семьи, имеет право на полную неприкосновенность! Спросите, у кого хотите, я отвечаю за базар!!!

– Это так? – Влада нахмурилась, пытаясь понять, врет Диня или нет. – Те, кто в свите, неприкосновенны?

– Ага, есть такое, – буркнул Герка, который уже передумал ставить наглого домового на место.

– А вот фурии тронуть не посмеют, стопудово! Огнева, если откажешься – его гибель будет на твоей совести! – добавил домовый с трагичным выражением на физиономии, ткнув пальцев в сидящего на полу валькера.

– Вот сволочь... – вдруг произнес Ацкий, с трудом поднимаясь на ноги. – Он мне наврал, что тут убежище от фурий, что-то вроде бункера... ненавижу домовых!

Валькер, шатаясь, поплелся в прихожую, вполголоса что-то бормоча себе под нос. Крылья его волочились следом поникшими грязными тряпками.

– Да постой ты! – Влада раздраженно окликнула его. – Стой, не уходи! Можешь во дворе посидеть? Мне нужно собраться с мыслями.

– Проехали, – буркнул валькер, не оборачиваясь. – Еще

мне не хватало за спину девчонки прятаться в какие-то свиты. Удачи, Огнева.

– Дурень, не уходи никуда!! Тебе в таком состоянии нельзя оставаться в Москве. Во дворе посиди... слышишь?! Гер, Холод, не отпускайте его! Дайте мне несколько минут...

Герка уже, видимо, что-то сообразил и кивнул, ухватив Ацкого за шиворот. Тот не особо сопротивлялся, видимо, обессилев окончательно, и вампиры вывели его из дома. Исчезла и Мара, точнее – смылась незаметно по-кикиморски.

Остался только домовой, который сейчас громко сопел носом, что у Ливченко всегда означало одно – он готовился высказать свое бесценное мнение и получить за него по шее.

Влада повернулась к нему, и домовой медленно втянул голову в плечи и сгорбился.

– «Владоведение», значит?

– Давай, откажись, – выдавил Диня, вызываясь сверкая глазками. – Ац останется в Москве, и светлые его быстро прикончат. А в Питер ему не сунуться, фурии его достанут, а пока летучие очухаются встать на его защиту, будет поздно. Ацкий ослина тупой, ему гордость не позволяет просить помощи у кого-то. На твоей совести все будет, учти...

– Ливченко, умолкни! И из кухни уйди!

Домовой, радостно кивнув, исчез, а Влада опустилась за стол, обхватив виски руками. Докатилась до «владоведения», которое нечисть уже изучает на практике, если надо чего-то от нее добиться.

И все-таки под всем этим натиском уверенность в собственной правоте таяла. Уже и дикое слово депрессия вдруг показалось реальностью, в которой она сама себе не хотела признаваться. Разве это правильно, тонуть в омуте? Перестать чего-то хотеть, перестать двигаться дальше, жить?

Гильс не хочет оставлять ее в темной яме, но и не использует силу медальона, чтобы диктовать ей свои приказы. Иначе бы она давно бежала в Питер, ломая ноги. Уважает, ценит, заботится о ней, неблагодарной.

А она вместо жизни плавает в депрессии и снах, терзается муками совести и воспоминаниями.

«А если тот сон, где мне снится мой двор, дед и Егор, это не просто сон? – всплыла вдруг в голове непривычная за последние месяцы мысль. – Может быть, это отголоски моих способностей – и тогда это не просто сон, это Егор пытается мне что-то передать и рассказать?»

Мысль так потрясла ее, что Влада долго сидела с горящим лицом и колотящимся сердцем.

Нет, действительно. Если этот сон – остатки ее прежних способностей? Когда-то же она могла взять в руки чью-нибудь вещь, и увидеть, как в кино, мысли и прошлое ее владельца. Думала, раз стала вампиром, то способности эти ушли. А если не до конца ушли? Тогда самое лучшее – это уехать, сдвинуться с мертвой точки, на которой она зависла в Москве. Только вот в Питере ее ждет совсем другая жизнь, среди темнейшей семьи, рядом с Гильсом. Значит – надо из-

бегать этого до поры до времени, насколько будет возможно. Отстраниться и действовать в одиночку: никому ничего не рассказывать, никто из нечисти не поймет. Егора считают погибшим навсегда.

Для начала вернуться в Носферон и найти что-нибудь из вещей Бертилова, попытаться связаться с ним – это будет первый маленький шаг вперед.

«Как тебе такой план, Влада?» – Внутренний голос план одобрил, да и без того было понятно – в случае отказа у Герки с Холодом хватит сил с ней справиться. Не зря же подконтрольная двум вампирским кланам нежить, вороны со змеями, заполонили Огоньково.

И как окончательный аргумент – на фоне всех потрясений в тайном мире – была еще одна мелкая, казалось бы незначительная, беда у крылатого сердцеда. Личный апокалипсис Димки Ацкого, огромное семейство которого не скоро заметит, что их станет на одного шумного балбеса меньше.

Только сейчас она с облегчением заметила на кухонном столе значок Носферона – Герка дипломатично оставил его, чтобы не устраивать малоприятную сцену «возвращения».

Итак, хотя она еще не произнесла слова согласия, все уже было понятно.

Вдруг до боли захотелось вернуться в родной Питер, пройтись по улицам Адмиралтейского района, побывать на Невском, намотать километры кругов по этажам Гостинки. До боли захотелось увидеть Гильса... зачем обманывать се-

бя?

– Решено, все... – Влада сказала это самой себе, приколов значок обратно на свитер.

Подошла к окну и отдернула пропахшие пылью занавески. В тусклом свете фонаря на уличной скамейке под окном темнели четыре спины с поникшими затылками: двое вампиров, да домовой с валькером.

Рассохшиеся створки окна поддались с трудом, и в лицо ударил порыв ночного ветра.

– Герка!

Юный вампир вскинул голову, и два красных огонька загорелись в темноте. Через миг он уже был около окна.

– В общем, я поеду в Питер. И насчет Гильса все в силе. Моя депрессия закончилась. Но у меня есть просьба...

– Весь внимание, – Герка демонстративно приложил ладонь к уху.

– Я не могу сразу измениться и жить другой жизнью. До бала, хотя бы до бала! – пожалуйста, сделайте так, чтобы я не жила при дворе Темнейшего, а вернулась в Универ как обычная студентка. Пока буду жить в общежитии. И, прошу, чтобы меня никак не выделяли среди другой нечисти! Мне нужно будет привыкать постепенно.

– Привыкать к другой жизни будешь постепенно, но на бал в итоге пойдешь, – помолчав, уточнил Герка. – Даешь слово?

– Даю слово.

– Значит, морально не готова к роскоши и дворцам, и никак тебя не выделять до бала среди другой нечисти, – озадаченно повторил вампир. – Станные у тебя все же заскоки, Огнева. Видимо, Ливченко что-то реально соображает насчет твоей светлой крови.

– Я не говорила, что совсем никаких привилегий, – Влада вспомнила про Ацкого. – Свита мне будет нужна.

– А подарок Муранова? Знаешь, подарками от него не советую швыряться.

– Подарок... конечно, я возьму.

Герка о чем-то раздумывал, прикидывая в голове все варианты, потом вдруг засмеялся своим мыслям и кивнул.

– Хочешь жить до бала как обычная нечисть – о'кей. Условие выполнимое, но тебе вряд ли понравится...

Гера оглянулся и кивнул Холодову, который, разумеется, даже с другого конца улицы услышал бы их разговор. Ливченко вообще сиял и тыкал пальцем в сторону Ацкого, строя выразительные рожи.

– Ац, я приглашаю тебя в свою свиту! – крикнула Влада, чувствуя себя глупо с этими властными замашками. – Даю тебе неприкосновенность, или как там правильно сказать...

Ацкий привстал и скривился, но потом облегченно выдохнул, приложив пятерню к сердцу, и плюхнулся обратно на скамейку, вытянув длинные ноги. Все-таки, несмотря на свои гордые заявления, валькер очень хотел жить.

– Огнева, это... – Герка продолжал чего-то ждать, и Влада

не сразу поняла, чего именно. – Благодарность за подарок где?

– Что? А... Передай – спасибо. И отзовите уже свою нежить, нервирует, когда шуршат под полом.

– Заметано! Супер!

Голос вампира настолько повеселел, что Владе вдруг пришла в голову странная мысль: уж не зависело ли от ее решения что-то важное и в его жизни?..

Что ж, подарок так подарок.

В коридоре уже несколько месяцев пылилась на полу черная коробка. Мара постоянно намекала, но трогать побаивалась. Отыскав коробку, задвинутую в угол, Влада подняла ее. Сквозь густой слой пыли на крышке поблескивало тиснение: что-то вроде серебряного герба с пауком посредине.

Очень осторожно, двумя пальцами, Влада открыла ее. Нет, ничего не выскочило и не впилося в нее намертво. Внутри оказалась тонкая черная бумага, которая хрустела под пальцами, а под ней и подарок – мобильный телефон. Не такой, какие Влада видела раньше у ребят, а явно очень дорогой.

На крышке поблескивала гравировка: «Тебе от Темнейшего, с любовью». Телефон даже не прилип намертво к ладони, разве что ей самой совсем не хотелось выпускать его из рук.

– Звонить-то мне все равно некому, – вслух сказала Влада, невольно любуясь телефоном.

И все-таки этот подарок лучше, чем какой-нибудь браслет или украшение. Подаренное Мурановым – наденешь и не снимешь.

Глава 3

Ночь в поезде

Мара так обрадовалась решению Влады, что можно было не сомневаться: кикимора уже сама была на грани нервного срыва, и только последний долг перед Вандером держал ее в старом доме около его внучки.

Герка долго торговался, доказывая, что хотя бы до Петербурга необходимо ехать в роскошном кортеже с сопровождением армии мурановской нежити, но и тут Влада восстала.

– Гера, ни за что! Мы же договорились – никаких привилегий и охраны! Поеду просто такси и поездом, ясно?!

– Ладно, – быстро согласился Гера, видимо сообразив, что лучше пойти на уступки, пока упрямая девица опять не передумала. – Отказываешься от привилегий – пожалуйста. Будет тебе такси, поезд и так далее. Мара Лелевна, а вы имеете что-то против роскошных машинок и свиты нежити до самой Москвы?

– Я – абсолютно ничего не имею против, – вздохнула кикимора. – Только вот провожу Владочку...

До приезда такси еще оставалось немного времени, но неожиданно возникла проблема: во что одеть валькера? Три четверти одежды на нем было сожжено фурьим ядом, а то, что осталось – скорее напоминало набедренную повязку, как у дикарей.

Найти для нехилого парня одежду оказалось непосильной задачей: дедовские вещи были неприкосновенны, а вещи хлипкого Ливченко не налезали Ацкому и на нос. Влада по-

пыталась надеть на валькера свой халат, но Ацкий, услышав хихиканье Герки с Холодом, категорически не захотел «напяливать девчачьи шмотки», а других в квартире не было.

– Ты же почти голый в этих тряпках, – уговаривала валькера Влада. – А мой халат все-таки одежда. Прорежем дырки для крыльев. Конечно, он тебе мал, но у тебя сейчас такой вид...

– Нормалек вид, – воспрямивший Ацкий любовался в зеркале своим голым торсом с едва затянувшимися багровыми шрамами от фурьих когтей. – Крылья восстановлю, когда в Носфер попаду. Сразу в наш бассейнчик – бульк! И как новый...

– Я вот понять не могу, как можно было перетащить этот Носферон за шестьсот километров в Питер? – вдруг глубокомысленно выдал Диня. – Там же бассейн огромный, библиотека и ващ-ще...

– На колесиках ехал, как в старину в Москве дома перевозили, – сострил Герка. – Ты что, не въезжаешь, что физически переезда не было? Просто поменялись координаты входа, то есть зловоротни.

– Свихнуться можно, не представляю!

– А то, что моим мысленным приказам подчиняется мертвая воронья нежить, ты представляешь? – развеселился Герка.

– Завидовать вампирским подконтрам я с детства привык, это для меня норм, – пожал плечами домовой. – Все равно,

что вот эта шняга, – Ливченко достал из кармана и подкинул на ладони свой смартфон. – Я разве разбираюсь в тонкостях, как она пашет?

Спустя минут десять Ливченко позабыл про метафизические сложности, занявшись устройством собственной судьбы.

– В этой дыре хоть один утюг есть? – Диня носился по квартире, заглядывая во все углы, пока не нашел утюг в кладовке и не провозгласил на всю квартиру: – Огнева, я в твою сумку его положу, в Питере пригодится...

– Зачем он тебе? – удивилась Влада, глядя, как домовый пытается запихать утюг в ее дорожную сумку, выкидывая из нее вещи.

– Одежду гладить буду, – Диня заморгал глазками. – Я ведь тоже попадаю в твою свиту автоматически.

– Не автоматически, – Влада извлекла утюг из своей сумки, возвращая туда выброшенные вещи. – Я тебя не приглашала, только Ацкого, и то из-за форсмажора. Ты же в жизни свои шмотки не гладил, чего вдруг?

– Огнева, у тебя один друг, как ты не поймешь, – Диня, вытаращив глаза, приложил утюг к сердцу. – Один друг, который всегда на страже твоих интересов! Мало ли, по лбу кому-то дать за любимую хозяйку?!

– Вот спасибо, – Владе стало смешно. – Твоя защита так же могуча, как и бескорыстна дружба...

– А что, у тебя есть другие предложения бескорыстной

дружбы? – парировал домовой. Согласен, я положу уют в свой чемодан. Но вот проблемы за тебя кто решать будет?! Вот, например, первый вопрос – во что одеть голого валькера. А я знаю, как это решить! Ну что, не нужен тебе домовой?..

* * *

Через полчаса торжествующий Диня и завернутый в занавеску Ацкий сидели на крыльце и ждали, пока Влада попрощается с Марой.

Неожиданно для всех, да и для самой себя, кикимора вдруг расплакалась:

– Я должна была заботиться о тебе, но совершенно не умею, не справляюсь! – судорожно всхлипывала Мара, без конца поправляя воротник куртки Влады. – Вандера нет, я так растерянна... Может быть, мне надо что-то тебе сказать? Ведь я пыталась помогать тебе, как умею! Ты будешь приезжать в гости?

– Мара, не надо плакать, не надо, – Влада наскоро поцеловала ее в щеку. – Ты целых полгода меня терпела, а я понимаю, что это значит для кикиморы. Ни в чем ты не виновата – ни передо мной, ни перед дедом! Живи спокойно. Мы обязательно будем ездить друг к другу в гости!

– Да... ты вырастешь. Такая большая, скоро шестнадцать! – совсем расклеилась Мара. – Вандер одобрил бы все

это, или же нет? Я даже не знаю. Я собрала еды всем вам, вот, в пакетах...

Кикимора кинулась шуршать свертками, а Влада, глядя, как у нее трясутся ухоженные, аккуратно наманикюренные пальчики, смутилась. Все-таки таким легкомысленным существам как кикиморы тяжело переносить любой трудный разговор, потерю или расставание.

Влада поспешила переодеться в свитер с высоким воротом: он отлично скрывал медальон от чужих глаз. Уж в Носфероне, среди однокурсников, сверкать своим артефактом на шее ей точно не хотелось.

С улицы посигналило подъехавшее такси: пора было выбираться из потока всхлипываний, причитаний и воспоминаний, которые причиняли лишнюю боль.

– Может, передумаешь насчет привилегий, Огнева? – Герка откровенно подсмеивался, очень довольный собой. – Поезд людской все-таки.

– Заберут тебя со свитой в полицию, – добавил Холод. – А вдруг мы, слабенькая нечисть, не сможем вас оттуда вытащить?..

– Хохмачи, – буркнула Влада, сообразив, что это своего рода игра: вампиры ее пугают, но до Питера она все равно доберется. Иначе не стала бы ради нее приезжать в Москву сама Ада Фурьевна, ректорша Носферона...

Подхватив сумку, она поспешила на улицу, следом за валькером и домовым.

– Такси и всю ночь в поезде, блин! – бесился Диня, с трудом волоча по земле чемодан, который был больше его самого раза в полтора. – Могли бы сейчас на роскошных джипах катить в Питер... Мы ведь элита тайного мира, просто некоторые не впиливают...

– Умолкни, элита... а то вылетишь из свиты, – предостерегла Влада, хотя в глубине души и сама не рада была долгой дороге среди людей.

На улице ждало обычное такси, которое блестело в темноте желто-лаковыми боками под струями налетающего дождя. Если это было начало новой жизни «элиты тайного мира», то оно было залито дождем, пахло прокуренным кожаным такси, и орало из магнитолы надрывным голосом про «зеленые глаза, а в них беда».

– Сделайте музыку потише, пожалуйста, – попросила Влада, и отвернувшись к окну, где Москва провожала ее холодным ветром и пасмурным тревожным небом в рваных тучах.

Диня ворчал и чавкал чем-то из кикиморских пакетов, постоянно оглядываясь по сторонам, будто искал бегущих следом за такси вампиров.

Влада же прекрасно понимала, что все разговоры про отсутствие охраны лишь видимость: разумеется, их охраняли. Ощущалась работа троллей, тонкая и незримая. Например, Ацкий в занавеске не произвел на хмурого водителя такси никакого впечатления, да и про деньги тот даже не заикнулся, когда они выгружались из машины.

А вот потом тролльские штучки закончились. Ленинградский вокзал был похож на огромный муравейник, и Диня снова озирался в поисках сопровождающих, но никого не увидел. Пришлось ориентироваться самим и искать перрон с нужным поездом.

– Дальше-то что делать? – Влада растерялась. – Диня, ты брался проблемы решать? Вот и решай.

– Я что – на поезде тащиться заставлял?! – взвизгнул Диня, но его вопль заглушило громкое объявление о начале посадки на поезд «Москва – Санкт-Петербург», и домовый со своим чемоданом рванул к платформам, а Влада и Ацкий – следом. Там, у поездов, было не протолкнуться: повсюду тележки и горы сумок, спины, плащи, зонтики и лица.

– Потому что не выеживаться надо было, а ехать с дворцовым кортежем, – проворчал Диня. – Ладно, двинули в последний вагон. Просто сядем в него, а там видно будет.

Вагон оказался в самом хвосте поезда, и туда пришлось продираться очень долго, через островки людей и чемоданов.

Заминка произошла сразу, когда проводница, стоящая у вагона на перроне, неожиданно остановила всех троих, потребовав документы.

– Но у меня нет паспорта, – растерялась Влада. – Мне пятнадцать...

– Паспорт в пятнадцать лет уже должен быть! – отрезала женщина, переводя цепкий взгляд на Ацкого в занавеске.

– Она смертельная вампирша, полегче, – отчеканил Диня, неожиданно вылезая вперед. – Может на вас взглянуть и жизнь забрать, для нее это плевое дело!

– А вы...

– Я ее личный домовой, состою при дворе Темнейшего.

Да, этот приемчик нечисти Влада знала прекрасно: в случае столкновения с человеком, не принадлежавшим к тайному миру, нужно сказать правду и подождать эффекта, когда дневное право качнет сознание. В таком случае реакция у человека может быть разной: от обморока, после которого он ничего не вспомнит, до приступа смеха, после чего сказанное напрочь вылетает из головы.

Но сейчас Дине не повезло: дневное право почему-то не сработало, женщина строго прищурилась, открыла рот, потом закрыла. Потом, вытянув шею, открыла снова и принялась высматривать ближайшего полицейского или охранника.

– Не понял я, дальше-то что?! – вдруг разъярился Диня, вертя головой. – Нам что, через янв в поезд прорываться?

– Эй! В московский янв не советую соваться...

За спиной у них возник недовольный парень в зеленой куртке и темных очках на худощавом остроносом лице. Он отхлебывал кофе из роскошной, инкрустированной перламутром и изумрудами чашечки.

«Да это же гоблин Отто Йорг!» – Влада, слегка кивнув однокурснику, пробормотала не услышанные никем привет-

ствия. Все-таки нельзя продолжать считать врагом того, кто пережил вместе с тобой нападение, как и все студенты Носферона в тот страшный день зимних экзаменов. Все мелкие прошлые обиды стерлись, и Влада готова была первая дружески заговорить с однокурсником, но тот сделал вид, что не узнал ее.

– Этот вагон не проверять, – сняв очки, гoblin отбросил в сторону драгоценную чашку, и та, едва коснувшись асфальта, покатила уже пластмассовым стаканчиком, какие выдают кофейные автоматы. Потом он сверкнул огнями желтовато-зеленых глаз и провел пальцами перед лицом у проводницы. – Только улыбаемся и носим чай. Проснемся завтра в Москве, и ничего не вспомним!

Женщина быстро заморгала, потом строгое выражение слетело с ее лица и она заулыбалась, отступая:

– Проходите, пожалуйста! Как только тронемся, чаек принесу.

– Еще немного – и нас бы в обезьянник или в психушку замели! – возмутился Диня, меряя гоблина снизу вверх суровым взглядом. – Что, встретить нельзя было нормально, чтобы я выпученные глаза всяких куриц не видел?! Где тролльский коридор? Вам что – не сказали, что вы сопровождаете особу из темнейшей семьи??

– Морок я для вас сделал, причем меня попросили сделать его особенным! – странным тоном ответил Отто. – Свободное купе в конце вагона. Все, счастливого пути. Надеюсь,

вам понравится...

– Спасибо! – крикнула Влада гоблину вслед, но тот даже не обернулся.

Диня запрыгнул в вагон первым, Влада следом, начав пробираться по узкому коридору вслед за домовым. Все места уже были заняты, и единственное свободное купе обнаружилось в самом конце вагона около туалета.

Влада вместе со свитой ввалились туда, побросав вещи на лавки и разглядывая обстановку. Купе, по сравнению с другими, было каким-то необычно обшарпанным и темным, а свернутые матрасы и белье пахли так кошмарно, что разворачивать их не хотелось. Влада догадалась, что Отто сделал это нарочно – и не без просьбы Герки с Холодом...

– Стопудово этот фрукт нарочно накозлил, – кипел Диня. – Доберемся – я сразу телегу накатаю куда надо. Огнева, ты бы хоть медальон под воротом свитера не прятала!

– Тебя забыла спросить, – отрезала Влада. – А вот тебе корона не жмет, Ливченко? Зазнался ты очень.

– Что за лажа, – возмутился домовый, ткнув пальцем в мутное и грязное окно. – Здесь все нарочно отвратным сделали, чтобы нам ехалось паршиво, это же морок!

– Да, морок я вижу, – согласилась Влада. – Но ехать в этом купе можно, подумаешь, одну ночь переночевать. Другие-то заняты все равно.

– Да фигня, доедем! – жизнерадостно выдал Ацкий, плюхаясь на лавку. – Мне везде нравится, где фурий нету, гы-

гы-ы!

Стоило Ацкому это произнести, как дверь купе отъехала в сторону, и в проеме появился щедедушный парнишка в спортивном костюме.

Диня как-то особенно крикнул, и волосы на его затылке встали дыбом, как шерсть на загривке у разъяренного зверя.

– Тебя тут только не хватало, Грозный! – зарычал Ливченко, глядя на щедедушного. – Че те надо тут, я не понял?!

В ответ донеслось возмущенное пыхтение: щедедушный открыл рот и раздулся как индюк. Домовой Эдик Грозный, племянник охранного домового Носферона, оторопел от неожиданности и разинул рот. Поскольку семьи Ливченко и Грозных находились в состоянии войны на протяжении десятилетий, встреча Эдика с Диней каждый раз заканчивалась воплями и дракой.

– Да па-ашел ты сам!!! – очнувшись, истерически выкрикнул Эдик. – Я со своей хозяйкой новой еду, а она обедала с самым Темнейшим в его дворце!

За ним в проеме купе показалась светловолосая девушка в кроваво-красном пальто, которая тоже оказалась их общей знакомой.

– Привет, Даша, – пробормотала Влада, не зная радоваться ей такой встрече или нет. Девушка Алекса Муранова ядом не плевалась, но бесила все живое в радиусе слышимости своего голоса.

– Ну, наконец-то хоть кто-то из нечисти! – Дашуля была

на грани истерики, забыв даже поздороваться. – Я поеду с вами. Хорошо, что проводница ничего не соображает...

– А Алекс с тобой? – Влада, решив, что сейчас из-за спины Даши покажется старший брат Гильса, обрадовалась.

– Что тебе мой Алекс! – грубо окрысилась Дашуля. – Тут контролеры ходят? А то у меня денег на билеты нет. Мать выгнала, иди, говорит, к своему парню, раз из института вылетела! Ха, иди... Алекс думает, что меня можно бросить вот так легко – отшвырнуть в сторону?..

– Так он не здесь, не на вокзале? – Влада не поверила своим ушам. Дашуля Ивлева, капризная московская студентка, которая с четырнадцати лет решила все свои проблемы только с помощью вампира Алекса Муранова, ехала куда-то одна?!

– Ты оглохла? Он меня бросил!!! – с яростью бульдога заявила Дашуля. – Только я его в Питере все равно найду. Он точно там, раз вся нечисть туда едет...

– Кое-кого не в Питер надо, а в унитаз спустить, – он как раз тут рядом, – высказался Эдик, бросив на Диню презрительный взгляд.

– А в лоб утюгом не хоть?!! – в ответ взвизгнул Диня. – Сидел бы в своей Москве, чмошник!

– Сам сиди, жди, пока тебя светляки не замочат и к некроманту не отправишься! – не остался в долгу Эдик.

– Хватит! – успела выкрикнуть Влада, хватая Ливченко за шиворот, как овчарку, которая готова вцепиться в дворнягу

на улице. — Даша, да проходите со своим домовым уже, не стойте в дверях!

— Сенкс, — сквозь зубы выдавила Дашуля, когда Ацкий подхватил ее чемодан и ловко закинул наверх в багаж.

Поезд тронулся, и проводница принесла всем чай, — почему-то холодный и воняющий так, что Диня все чашки выплеснул в окно, вспомнив ласковыми словами провожавшего их тролля.

Отто явно постарался, чтобы поездка запомнилась Владе надолго: освещение так и не включилось, и в прыгающих по купе пятнах и полосах света от фонарей можно было рассмотреть, как по стенам веерами ползут темные пятна плесени и сырости.

Присутствие Ацкого сейчас, как ни странно, было очень кстати. Диня молча бесился, кидая полные ненависти взгляды на Эдика; тот высокомерно пыхтел, забившись в угол; Ивлева хмуро молчала, Владе же очень хотелось расспросить про Алекса, и она ждала подходящего момента. Зато валькер радостно трещал за всех остальных, не замечая ни плесени на стенах, ни отвратительной вони, витавшей в воздухе. Ему никто не отвечал, поэтому Ацкий сам задавал себе вопросы и сам же отвечал, не обращая ни на кого внимания.

— Я же не сволочь, понимаете, да? Ну объясните мне, разве это нормально, парня со свету сживать за то, что расстались? Она фурия, да, но разве у них совести совсем нету?!

— Он тебе так и сказал, что бросил? — тихо спросила Влада

у Дашули, тут же наткнувшись на ее яростный взгляд.

– Попросил жить человеческой жизнью и забыть о нечисти, – отрезала та. – Мерзавец, я ему устрою! Я же была во дворце его отца, он сам мне пообещал, что меня обратят. Мало ли, что там у него произошло, это ничего не отменяет. Алекс думает, я его не найду!..

– А что у него случилось, он не сказал? – Влада неприязненно разглядывала Ивлеву, стараясь оставаться спокойной.

«Главное не разозлиться на нее. Она-то не знает, что я и убить могу в любой момент...»

– Я завтракала со старым Темнейшим в его дворце, – возмущалась Дашуля, вспоминая, как уже поняла Влада, самое главное событие в своей жизни. – Мне было обещано – бал, обращение в вампира! Ты же тоже там была, ты помнишь! И полгода я как идиотка ждала, когда Алекс меня перевезет во дворец. Ждала, ждала, пока из института не выперли!.. С матерью проблемы... а этот гад даже трубку не берет! Мне ведь еще не двадцать пять, только двадцать!

Это отчаянное заявление про возраст прозвучало от Дашули неспроста: еще в прошлом году Влада, как и все ее однокурсники, проходили по вампирологии взаимоотношения вампира с человеком. Лекция эта заставила юных вампиров долго молчать и переваривать услышанное: многим нелегко было узнать жестокую правду.

Вампир, приближаясь к своему восемнадцатилетию, гото-

вится к трудному перерождению: просто ловкий и сильный мальчишка превращается в настоящего кровопийцу. Человеческая кровь нужна вампиру только свежей, потому каждый вампир находит себе девушку. Только вот кровь должна была быть еще и юной: как только девушке исполняется двадцать пять, вампир оставляет ее. Родившиеся у нее дети считаются урожденными вампирами и живут с отцом. Разумеется, таким брошенным людям вампирские кланы помогают до конца жизни, только вот долго они не живут... Круг этот повторяется бесконечно: оставив одну девушку, вампир находил другую – юную и обязательно похожую на ту, самую первую, часто носящую такое же имя.

Что же касалось вампирш, те бросали своих человеческих парней гораздо безжалостнее и чаще, даже не дожидаясь их двадцатипятилетия...

И только в одном случае союз вампира и человека был вечен: если Темнейший разрешал обратить такого человека.

– Мне еще не двадцать пять, я даже паспорт с собой взяла, чтобы всем показать! – яростно повторила Дашуля. – Я ваши законы нечисти знаю! Меня, как девушку вампира, можно обратить, и его папаша, старый Темнейший дал согласие. Без согласия, я знаю, обращение будет незаконное, какая-то мерзость вроде зомби... Но ведь все же было уже решено! Я Алексу звоню, а он: «Расстаемся, Дашенька, для тебя так будет лучше, моя хорошая! Оставайся в Москве, ты ни в чем

не будешь нуждаться, только забудь о тайном мире!» – Дашуля, гримасничая, передразнила голос вампира.

– Если Алекс решил, что тебе лучше в Москве остаться, то зря ты в Питер подалась. Похоже, что у него что-то серьезное случилось, Даш...

– Сама едешь, а мне нельзя?! – истерично выкрикнула Даша. – Я доеду и пойду прямо во дворец, и пусть меня попробуют остановить. Пока Алекс ко мне не выйдет, я не уйду!

– Ты-дымс! Аврора дает залп по дворцу Темнейшего! – весело подхватил валькер. – А хавчик у тебя найдется, упорная красавица? Холодная курица в кастрюльке, холодец, борщик, бутеры с икрой? А то Ливченко еще в такси все кики-морские деликатесы сожрал...

Еда у Дашули действительно нашлась: в сумке обнаружались полпакета сухариков, полузасохшие мишки- мармеладки, а в пакете – бутылка спрайта и несколько пластиковых стаканчиков.

Поезд, покачиваясь и постукивая, катил по рельсам, и Москва осталась позади, сменившись на потянувшуюся за окном темноту.

Влада терпела этот ад, мечтая поменьше дышать вонюю и не слышать, как вполголоса переругиваются друг с дружкой домовые, выясняя, чей род древнее и как Ацкий с Дашулей ссорятся и спорят по поводу Алекса.

– Не надо так про Алмура! – горячо убеждал валькер, ко-

торый с каждым часом все больше веселел и возвращался к своему привычному состоянию балбеса. – Да ты хоть знаешь, как его в Носфере до сих пор помнят? Вампиры спят и видят, что он будет деканом их факультета! Да вампиру расставание с человеком в сто раз тяжелее, чем человеку, раздери меня светлый некромант...

– Ац! – Влада постучала кулаком в верхнюю полку. – Не смей так говорить...

– Понял, – кивнул Ацкий, тут же переключившись на воспоминания про фурий.

– Я знаю, зачем ты упал на хвост с ней ехать, – безжалостно расправлялся со своим соперником Диня. – Надеешься, что она со своим вампиром помирится, и поселится во дворце, и тебя туда же пригласят. Только зря! Вот моя хозяйка – почти невеста наследника Темнейшего, а твою бросили!

– Твоя тоже пока на птичьих правах, – ехидно шипел Эдик. – Смотри, как бы тебе не споткнуться, чтоб ты грохнулся в тот вонючий люк, из которого выполз!

– Сам ты вонючка, – Диня прищурился. – Хочешь мое проклятие за шиворот получить?

– Ой ты ж твое проклятие! – делано рассмеялся Эдик. – Макароны у нас, ути-пути! Напугал...

– Ну разумеется, ваша грозная крупа страшнее, – не остался в долгу Диня. – Давай, вперед! Сыпани манкой, придурик, покажи на что способен!

– Еще одно слово – и оба пошли вон из поезда, – не сдер-

жалась Влада. – Еще крупы нам кроме плесени в купе не хватало! Даша, скажи своему домовому, чтобы замолчал уже.

– Своего заткни, – Дашуля зевнула. – Мой хотя бы из древнего рода, а твой вообще дворняжка!

– Да! – гордо подхватил Эдик. – У нас род древний, от самого царя Ивана Грозного, мы его палаты еще охраняли! Мы Грозные – звучит! А Ливченко – фу-у...

– В психушке вы палату номер шесть у их «Ивана Грозного» охраняли, – огрызнулся Диня.

Потом домовые, истощив запас оскорблений и ехидства, выдохлись и свалились спать, и купе погрузилось в тишину. Дашуля тихо спала, подложив под голову свою сумку, Ацкий во сне вскрикивал и норовил свалиться с верхней полки, а Диня громко храпел.

За окном в темноте мелькали огни, оранжево-желтые отсветы, колеса вагона размеренно стучали по рельсам, а Владу терзала бессонница. Спать все равно не получится, да и лечь на лавку, пропахшую сыростью, не хотелось.... Поезд, проехав Тверь, постоял в Бологое, разогнался и набрал приличную скорость на прямом перегоне, как вдруг Влада встрепенулась, ощутив внезапную тревогу.

Что-то там было – за окном поезда, в несущейся мимо темноте...

– Ац! – Влада дотронулась до свисающей с верхней полки руки валькера. – Ац, проснись. Что там?..

Валькер вздрогнул, несколько секунд всматривался в ок-

но, и вдруг, шумно выдохнув, скатился с верхней полки и прислонился к дверям купе.

– Фурии около вагона!! Они меня догнали... – Ацкий побледнел и сел на корточки, обхватив голову руками.

Влада прильнула к окну, пытаясь хоть что-то рассмотреть. За окном летела темнота и поля, уносились назад полосы редких дорог – поезд шел на большой скорости. Сначала ничего не было видно, но потом рядом с окном мелькнули неясные тени.

Влада, хотя и насмотрелась уже на нечисть в любом состоянии, поначалу испугалась всерьез. Видеть Аду Фурьевну в ярости ей приходилось: орущая и плюющаяся ядом стерва, малоприятная во всех смыслах. А вот видеть стаю фурий в состоянии погони было зрелищем не для слабонервных. Летать они не умели, да им и не нужно было – передвигались фурии длинными прыжками, низко пригнувшись к земле. Несколько фурий уже прыгнули на крышу вагона: скрежет когтей по железу раздался над головой.

Ливченко и Эдик проснулись, дружно хлопая глазами и таращась по сторонам.

– Огнева, надо сказать им – домовой и валькер в моей свите! Именем Темнейшего! И типа, пошли вон... – сонным голосом давал советы Диня. – Вампирская нежить нас взаправду не охраняет, что ли?!

– Я не сомневаюсь, что Герка с Холодом отлично знают, что нас вот-вот атакуют фурии, – тихо отозвалась Влада.

– Сейчас сквозь крышу через янв, и в купе сиганут, – выдавил Ацкий. – Народ, мне лучше выйти в коридор, ведь вас ядом тоже зацепит...

– Нет! Окно! Иди сюда, и быстро открывай окно, – приказала Влада, и валькер, дернув за раму, утащил ее вниз.

В купе ворвался холодный ветер, смел со столика пластиковые стаканчики, взметнул волосы на голове у спящей Дашули. Та лишь пробормотала что-то во сне и натянула на голову одеяло.

– Валькер Дима Ацкий неприкосновенен в тайном мире, именем Темнейшего! – набрав в легкие воздух, выкрикнула Влада в открытое окно. – Он в моей свите, слышите?!

Одна из фурий прыгнула, оказавшись рядом с окном: в короткой вспышке света от пролетевшего мимо фонаря можно было заметить ее налитые сиреневым светом зрачки и удлиненные костлявые пальцы. На секунду почудилось, что вместо кистей рук у фурии по огромному скорпиону.

– Отстаньте от валькера Ацкого! – Влада сама удивилась неожиданной властности своего голоса. – Он в моей свите! Слышите, вы?!

Фурии слышали. Шипение ярости разнеслось по ветру, и хотя ядовитая нечисть еще какое-то время продолжала преследовать поезд, но постепенно отстала, затерявшись в темноте позади.

– Ф-фух!.. – с восторгом выдохнул Диня. – Огнева, а ты молоток-девка! Ты создана для трона тайного мира, стопу-

дово. И мы поедем во дворец, слышь, селедка?! – и Диня невежливо ткнул пальцем в Эдика, который поблескивал перепуганными глазками из угла.

Комплимент был сомнительным, и Влада резко дернула раму вверх, с грохотом закрыв окно.

– Отстань со своими дворцами, Ливченко, – обругала на домового. – Иди дальше дрыхни.

Дашуля, которая, наконец-то проснулась и медленно переваривала происходящее, выглядела странно довольной.

– Именем Темнейшего, надо запомнить... – улыбнувшись, пробормотала Ивлева, бухаясь обратно щекой на свою сумку.

Глава 4

Новая зловоротня Носферона

До самого рассвета Влада не спала, просидев у окна На крыше поезда до утра сидела одна из фурий, и ее сгорбленный тощий силуэт был ясно виден, когда тень вагон пробежала мимо ярких фонарей. В темном небе Владе мерещились сполохи света, слишком далекие и неясные чтобы вызвать тревогу. К восьми утра фурия все-таки исчезла, небо расчистилось и посветлело, лишь на горизонт оставив далекие полосы темных туч... За окном замелькали деревенские домишки за пестрыми заборами, по том они сменились домами-муравейниками спальни районов и унылыми на вид промзонами – поезд въехал Питер и медленно полз к Московскому вокзалу...

Дашуля, проснувшись, не сказала ни слова – только с ненавистью оглядела позеленевшие от мха стены купе, а Эдик и «свита» проснулись с головной болью. Когда поезд прибыл на вокзал и, дернувшись, встал, с потолка купе вдруг полилась вода, хотя снаружи не было ничего похожего на дождь. Выскакивать пришлось бегом, пока на голову не свалилось ничего похуже, и Влада вздохнула с облегчением, когда оказалась на перроне в обнимку со своей сумкой.

Питерское раннее утро было солнечным и холодным, и на перроне сразу можно было отличить нечисть от людей, наблюдая, у кого идет пар от дыхания изо рта, а у кого – нет.

Хотя темных пассажиров почти не было: только пара семей упырей с кикиморами припозднились со своим бегством

из Москвы, и теперь шумно рассказывали окружившим их родичам, как боялись ехать в поезде и как не спали всю ночь.

Впрочем, люди на нечисть никакого внимания не обращали – все спешили, спешили, звонили куда-то и тащили за собой чемоданы и тяжелые сумки.

Ливченко зевал, Ацкий кутался в занавеску, морщась от солнца, а Дашуля с Эдиком топтались поблизости, раздраженно поглядывая по сторонам. Видимо, Даша надеялась, что Алекс все-таки появится на перроне, и высматривала его среди встречающих.

Но ни Герки, ни Алекса на перроне не было, – зато вокруг Дашули и Эдика образовалась странная на вид компания: очень серьезные на вид приземистые фигуры в пальто. Догадаться, что это домовые, можно было по особенным острым чертам лица, да оттенку глаз – фиолетовому, который у людей практически не встречается.

Все домовые переводили взгляд с Влады на Дашулю и обратно, и на их лицах отражалось сомнение. Медальон Влады был скрыт от глаз воротом свитера, к тому же рядом с ней стояли Ацкий и Диня, чей вид вызвал бы сомнения у кого угодно. Зато Ивлева красовалась в красном пальто и вся была увешана украшениями в вампирском стиле.

– А до дворца Темнейшего далеко? – в конце концов громко выдала недовольным тоном Дашуля.

Это решило сомнения домовых в ее пользу: все дружно отвернулись от Влады и ринулись к Ивлевой, обступив ее и

Эдика плотным кольцом. Такой поворот заставил Ливченко проснуться, оценить обстановку и возмутиться.

– Почему это кто-то другой поедет во дворец, если моя хозяйка – будущая невеста наследника Темнейшего?! – намеренно громко пискнул Диня.

Мгновенно сориентировавшись, встречающие ринулись обратно.

– Мы обознались, примите наши глубочайшие извинения! – затараторил самый важный из них, в длинном сером пальто. – Мы, местные домовые, мечтали вас встретить в Петербурге первыми!

– Зачем? – растерялась Влада, и в ответ тот церемонно склонил голову, изобразив поклон.

– Нам стало известно, что вы являетесь избранницей наследника Темнейшего, – вкрадчиво продолжал домовый. – И мы хотели бы умолять вас нижайше... об одолжении.

– Что за одолжение? – ошарашенно спросила Влада, потому что так церемонно и важно к ней еще никто не обращался. И уж тем более – никто и никогда ей не кланялся.

– Сейчас очень много московских домовых переезжает в Петербург, и они занимают зловоротни, которые *наши* домовые кланы охраняли столетиями, – подчеркивая слово «наши», произнес домовый. – Ведут себя нагло, теснят нас. Большая просьба урезонить их. Вот здесь все изложено, просим вас передать это Темнейшему наследнику, – домовый протянул Владе конверт.

– Я... передам... – Влада, взяв конверт, покосилась на Диню, но тому хватило ума не открывать рот: домовый вовремя вспомнил, что он и сам местный. Диня ревниво осматрел стоящие на перроне щеголеватые, но низкорослые фигуры и все-таки не удержался:

– А за то, что мы ехали в помойке, кто извиняться будет?! – завопил Диня. – Да я накатаю такую телегу в Темный Департамент, что размажут кого надо тонким слоем! Нам на голову вода лилась! А по стенам плесень! А за окном фурии!! Кто отвечать будет?!

Вокруг них тут же началась суматоха. Диня громко возмущался, домовые что-то лопотали в ответ, в локоть Владе вцепился Ацкий и все они неслись по перрону. Где-то позади тащились Дашуля с Эдиком.

– Не хотите ли экскурсию по нашим местам? – лопотал домовый. – Этот древний город прекрасен!

– Я здесь выросла, – сообщила Влада, уже прикидывая, как отделаться от назойливых встречающих и вырваться из окружения.

– Это значит решение будет в нашу пользу! – не выдержав, ляпнул один из «питерских».

– Как это в их пользу?! – раздался вдруг вопль откуда-то в толпе. – Мы заготовили подарки для невесты наследника!

Какие это были «подарки», так и не удалось выяснить, потому что драка началась мгновенно. Местные домовые отталкивали московских от Влады, те прорывались и размахивали

вали кулаками. Посыпались первые проклятия: каждый домовый клан использовал свое собственное, наработанное веками. И если Ливченко могли сыпать сухими макаронами, а Грозные – манкой, то сейчас дело обстояло гораздо серьезнее, – Влада пригнулась, когда у нее над головой просвистел в полете утюг. Он с грохотом врезался в столб, а в другую сторону полетели вилки, ложки, чашки и даже гладильная доска...

– А ну прекратить! Именем Темнейшего забудьте об этой девушке до бала, и не смейте ее преследовать! – раздался окрик Герки, и Влада увидела, как замелькали спины в длинных пальто: драчуны бросились врассыпную, оставляя после себя закиданный мусором и осколками асфальт.

– Просим покорнейше прощения, будет исполнено! – успел пискнуть кто-то из домовых и через секунду исчез в янве.

– Устроили тут! – рыкнул ему вслед вампир. – Нашли время и место для драки, и без вас проблем хватает! Огнева, твои условия будут исполнены, просто не успел этих оборотов разогнать... Будь уверена – в Носфере тебя встретят, как будто ты никто и звать тебя никак.

* * *

Кому и куда ехать с вокзала, выясняли долго.

Владе довелось увидеть, как относятся вампиры к «быв-

шим и брошенным людям из вампирского банка крови», пусть даже и чужим. Герка разговаривал с Ивлевой очень вежливо, дал ей денег и хотел тут же посадить на обратный поезд до Москвы. Дашуля долго препиралась, а потом сообщила, что давно мечтала посмотреть Питер, и Герка от нее отстал, а Владу взялся отвезти к Носферону.

Как она догадалась, встречи с Гильсом прямо здесь не будет: Герка вел себя очень свободно и не оглядывался по сторонам в ожидании кого-то еще.

«Муранов появится сам, когда захочет, – Влада поправила ворот свитера поудобнее. – Главное, чтобы я не зря вернулась в Носферон, найти бы там что-нибудь важное...»

– А я куда?! – вдруг спохватился Диня. – Мне личные апартаменты должны предоставить или сразу во дворец? Я же в свите, я же без пяти минут домово́й невесты Темнейшего!

Вампир, услышав это, злорадно заулыбался и хлопнул домового по плечу.

– Без пяти минут – это ты правильно сказал, – Герка злорадно разбил мечты Ливченко о сладкой жизни. – Давай с нами: в Носфере как раз сейчас веселуха с переездом. Лишние руки не помешают, да и дядька тебя очень ждет, поможешь ему...

После этого – пока Ивлева с Эдиком садились в такси, пока Влада шла с Геркой и Ацким к машине (к ее удивлению, Герка сам сел за руль) – Ливченко куда-то необъяснимо по-

терялся.

– Удрала половина твоей свиты, сонц, – хихикал Ацкий, у которого настроение повышалось по мере приближения к бассейну Носферона: – Гер, далеко до новой зловоротни-то?

– Ее издалека видно, нашу альма-матер! – веселился Герка, который лихо крутил рулем. – По воплям и бардаку во-круг. Не потеряетесь! Чуете, какой воздух в Питере, ребят? Нечисть здесь дышит свободно и легко-о...

И Герка был прав. Ощущение тревоги и страха, которое не отпускало в Москве, здесь почти полностью исчезло. Дышалось легче, будто вовремя удалось юркнуть за каменную стену крепости, оставив опасность снаружи.

Пыльное облако, которое висело над Конногвардейским бульваром, было заметно еще на повороте от Исаакиевской площади. Герка высадил их из машины на углу с Замытинным переулком, и смылся, а Влада с Ацким пошли к площади Труда, к которой от Александровского сада вел длинный широкий бульвар.

Эти места Влада знала очень хорошо, и еще не дойдя до площади, догадалась, куда же переехала новая зловоротня Носферона – в самый странный подземный переход Питера.

Чересчур огромный для площади Труда, где народу было раз в сто меньше, чем на Сухаревской площади. Слишком роскошный, выложенный мрамором, – да и кому здесь были нужны ряды подземных магазинчиков и кафе, если в них почти никто не заходил?

Но главная странность перехода была не в этом. Влада, изредка проходя здесь, всегда останавливалась у странной глухой арки, ведущей из перехода под землю, в никуда. И хотя на мраморной доске золотом была выбита надпись: «Здесь проходил Адмиралтейский канал, который заключен в каменную трубу и засыпан», Владе всегда казалось, что там таится что-то совсем другое.

Теперь же пустынный переход ожил и бурлил жизнью. Эпицентр бурления располагался как раз около арки: там облако пыли сгущалось, там виднелись спины, затылки, и слышались громкие вопли.

– Так орать могут только на вурдалаков, я точно говорю, – прислушавшись, с видом знатока сообщил Ацкий. – Но орет не одна Лина Кимовна. Их много там орет. Завхоз наш, слышу... Даже Горана довели до ручки, ага! Полифонический хор...

Они подошли поближе, но никто из стоящих не обратил на них внимания. Влада совершенно зря волновалась о том, как ее встретят в Универе – всем было настолько не до нее, что почти никто не заметил даже крайне живописного Ацкого в занавеске.

Валькер тут же наткнулся на приятелей и начал пересказывать им свою трагическую историю, а Влада пробралась поближе, чтобы рассмотреть, что же случилось.

– Это кем же надо быть, чтобы вместо хорошо упакованного груза схватить то, что перетаскивать вас не просили?! –

рычала худая женщина с нелепой растрепанной прической, тыча пальцем в грудь грязного тряпья, к которой приближаться никто не осмеливался. Лина Кимовна еще не охрипла, и это означало, что скандал только разгорается. – Горяев, хуже дурака может быть только дурак с инициативой! Ты хоть понимаешь, что теперь казенное постельное белье из нашего общежития собрало всю подземную грязь от Москвы до Петербурга?!

Вурдалак Федька Горяев, вечный студент Носферона, который проводил годы на одном и том же курсе, держал в руках то, что в начале его пути выглядело и называлось одеялом, а его приятели, стоявшие рядом, растерянно переглядывались.

– Мне сказали, потащил, раз сказали, типа, – пробубнил Федька, который никогда не отличался умением связывать слова в фразы. – Сказали – и потащил, типа, раз сказали... Фобос Карлович, да?

– Я такого сказать не мог! – визжал завхоз Фобос Карлович Ливченко, родной дядя Дини, из чьих цепких лап тот когда-то благоразумно удрал. – Не мог! Я что – хочу потерять свое место рабочее?! Где мое письменное распоряжение об этом, где??? Горан Горанович!

– Что – Горан Горанович? – отозвался худой тролль в меховом жилете с забранными в хвост бесцветными волосами. – На меня хотите свалить – валите. Только я весь прошедший месяц архивы разбирал. И в Москве отдавать рас-

поряжения вурдалакам просто физически не мог.

– Тогда кто дал распоряжение вурдалакам тащить постельные принадлежности?! Может быть, Буян Бухтоярович перепутал и ведомости переписал? – вопила Лина Кимовна. – Им же было четко приказано – своими подземными путями они тащат только архив библиотеки, тщательно и герметично упакованный! Вещи для общежития должны были перенести из Москвы валькеры, а не вурдалаки! И как теперь будут спать в общежитии студенты?? Вонща какая теперь от этого тряпья!!

– Отлично пахнет, а-атлично... – принюхиваясь к комкам грязи на одеяле, восхитился Федя Горяев.

– Вон с глаз моих и заберите эту гадость под землю! А сюда давайте остатки архива! – рывкнула Лина Кимовна, топнув ногой, и вурдалаки поспешно один за одним полезли под землю. Наверх, на асфальт, они начали выбрасывать огромные коробки, затянутые то ли грязными тряпками, то ли паутиной.

– Поспим на жестком, поду-умаешь, трагедия, – подал голос кто-то из вампиров. – И хватит нам, нечисти, подражать людским привычкам. Я обхожусь вообще без одеяла всю жизнь, на кой мне каждый раз при заезде в Универ его кладут на кровать?

– Я никаких распоряжений вурдалачью не оглашал, нехай поклепы на меня не возводить! – раздался голос, как из бочки, и из арки, закрытой мороком, выскочил охранный

домовой Буян Бухтоярович Грозный. – Дошло до меня, изверги, что копают вражины Ливченко, ядовитые гады, под меня!

– Вот у меня дел других больше нет, – разъярился еще больше Фобос Карлович. – Вот все брошу сейчас, переезд... библиотеку... вещи... и буду под вас копать, старый вы брехун!

– Тьфу на тебя и весь твой козлючий род, зловредный Ливченко!

Вопли домовых переросли во что-то вроде ожесточенного перелая, Лина Кимовна возмущенно фыркнула и бросилась обратно в зловоротню.

– Что вы тут стоите все и бездельничаете?! – очнувшись от скандала, завхоз Носферона накинулся на стоящих вокруг ребят. – Кто архив перетаскивать будет?! Вампиры, чем вы заняты??

– Вот именно, что вампиры-то работают, а остальная нечисть дурака валяет, – огрызнулся Ганц Готти. – Мы таскаем тяжести, а освободить их от упаковки должны остальные! Тролли, кикиморы, оборотни, валькирии – вот чего они тормозят?! Веснич вообще ногти подпиливает!..

– А ты попробуй разорви то, во что коробки упакованы, я уже все когти обломала! – возмутилась кикимора Дрина Веснич, которая сидела на каменном ограждении и трагически рассматривала свои пальчики. – Я не то что ножницами, а своими когтями с трудом это рву! Это же Тетьзин наш упа-

ковывал, точнее, заплетал!

– Фобос Карлович, все претензии к нашему убормонстру, – съязвил Ганц, разведя руками. – Упаковал так, что...

– Хватит пререкаться!!! – не дослушав, завопил завхоз. – Немедленно, сейчас же все бросили бездельничать!! Веснич, никаких пилок для ногтей! Нечисть, распаковывайте коробки, вампиры – заносим их в вестибюль. И нечего валить все на нашего убормонстра! Живее, ну?!

– Тпру... – недовольные поднялись с ограждений и нехотя поплелись выполнять приказ.

– Ну чего стоишь? – заметив Владу, прикрикнул какой-то незнакомый старшекурсник. – Бери ножницы, и вперед... чтобы этому Тетьзину икалось лет сто...

Это было даже хорошо, что появления Влады из-за скандала и бардака никто не замечал в упор. Не заметила Дрина, с которой они были дружны с первого дня знакомства, не заметил Марик Уткин, упырь-однокурсник с Валькируса, да и остальные.

Влада, опустившись на колени, долго боролась с чем-то вроде грязной паутины, только очень прочной, которая почти не резалась ножницами и напоминала задубевшие тряпки, пока не освободила от них коробку. Внутри та оказалась чистой и не пострадавшей от перетаскивания вурдалаками. На ней показался фиолетовый штамп: «Вестник Темного Департамента. Архив 1880–1890 гг».

Провести остаток дня за распаковыванием багажа Владе

не хотелось – нужно было осмотреться в Универе в поисках вещей Егора, а еще страшно хотелось в душ после ночи в грязном купе. Поэтому, сдернув с коробки паутину Тетьзина, она подхватила ее и поволокла в арку зловоротни.

Через секунду коробку у нее попытался выхватить Ацкий, которому пришла в голову идея немедленно помочь даме, оба споткнулись и вкатились кубарем в двери Носферона, собрав с собой тех, кто собирался выйти. Валькер вместе с коробкой падал долго, ругаясь и грохоча чем-то вдали.

– Вы даже войти нормально в зловоротню не способны, идиот безрукий! Что вы натворили, тут же все коробки были расставлены и рассортированы! – обрушился на валькера завхоз. – Как вы учиться будете, если войти даже нормально в Универ не можете?!

«А ведь и правда. Как в начале года в Носфер войдешь, так год и пройдет. В прошлом году я как-то так и вошла...». – Влада не торопилась подниматься на ноги, лежа на полу и глядя в потолок вестибюля. Он все еще хранил следы произошедшего зимой нападения: виднелись выбоины и старательно замазанные штукатуркой трещины на полированных черных камнях.

– А вы... что вы тут валяетесь? Какой факультет, курс?

Влада увидела нависшее над собой гневное лицо домового Фобоса Карловича и поднялась, отряхивая джинсы и куртку.

– О-о... – узнав Владу, домовый нахмурил косматые брови и выпалил: – Огнева! Нам поступило распоряжение от Тем-

ного Департамента не выделять вас из других студентов, сразу довожу до вашего сведения!

– Х-хорошо, спасибо... – опешила Влада, на секунду решив, что завхоз издевается, но тот соорил настолько торжественную рожу, будто у нее за спиной сейчас стоял Темный Департамент в полном составе.

– Фобос Карлович, а душевые на прежнем месте?

– Какие вам еще душевые, не думайте, что у вас какие-то особенные привилегии! – завопил завхоз, рьяно выполняя приказание Департамента. – Вы что – не видите, что тут творится?

И верно – трещины на потолке были ерундой по сравнению с разгромом на полу. Все свободное пространство от гардероба до входа в спортзал было завалено коробками и напоминало горную гряду, в которой были проложены тропинки. Те участки пола, которые не были завалены вещами, были затоптаны грязью и закиданы мусором, а объявлений на информационной доске было столько, что она напоминала шкуру бумажного дикобраза.

– Р-разойдись, школота! – через «горную гряду» в прыжке перелетел один из вампиров-старшекурсников, зацепив огромный аквариум, который неустойчиво покоился на коробках и ждал, пока его дотащат до деканата. Аквариум накренился, плеснув водой в проходившую мимо Лину Кимовну.

И снова – вопли и крики, на этот раз от оборотенессы.

– Здравствуйте, Лина Кимовна! – Влада догадалась, что оборотенесса от стресса перешла на режим автономного реагирования, обращая внимание лишь на раздражители и не видя тех, кто молча стоит рядом.

– Огнева? – ахнула та, действительно только сейчас заметив Владу и соображая, кто она такая. – Огнева, ну да... Валькирус. Ну что же вы стоите, проходите скорее в атриум! Там сейчас распределяются места в общежитии... Ацкий, приглушите свой смех и шагом марш вон отсюда!

Атриум был забит народом. Стульев не хватало, как и мебели вообще – многие сидели прямо на полу, на столах – из тех, что уже успели перетащить и поставить кое-как.

– ...поэтому те студенты, которые переехали сюда из Москвы и Огоньково, а также из других городов и Пестроглазово, испытывают особенные трудности с обустройством. Многие живут в стесненных условиях... – раздавался громкий голос Ады Фурьевны. – Ну, кто там пришел, не задерживайте – входите и садитесь уже!

Появление в атриуме Влады вместе с Ацким в занавеске вызвало взрыв и бурю. Влада отметила, что на нее пялились во все глаза, но – ни насмешек, ни приветствий. А вот валькер все-таки дождался, что его заметили и оценили. Причем взрыв был бесшумный, а буря пронеслась в виде громкого и всеобщего «ОГО!», которое заглушили только удары ректорской ладони об стол.

– Тихо! Всем я сказала – замолчите! – Ректорша устави-

лась на валькера. – Дмитрий, почему вы в таком виде являетесь в университет, да еще с опозданием?!

– Сорри, Адфурьевна, испытал трудности с обустройством, – ответил Адцкий, который сообразил, что историю про фурий рассказывать ректору, которая сама является фурией, не стоит. – Доберусь до хаты, куда мои родные перелетели, и завтра буду в свои шмотки уже одетый, чесслово!

– Извините за опоздание, я только что с поезда, – вслед за валькером начала оправдываться и Влада, хотя фурия ее ни о чем не спросила. Наоборот, она даже старалась не смотреть на нее, делая вид, что в появлении Влады нет ничего странного.

– Опоздавшие, проходите и садитесь, решаются общие вопросы грядущего учебного года, – сухо сказала ректорша. – Итак, повторяю, что главное и самое ожидаемое событие это бал Темнейшего, который состоится в самую ненастную ночь ноября. Мы все его ждем и готовимся: каждый факультет будет принимать участие в торжественном параде нечисти. Так что все наши неудобства будут вознаграждены!

– Интересно, она поссорилась с Мурановым или что?.. – прошипел кто-то за спиной у Влады. – Чего это она тут делает, непонятно...

– Может, послал он ее подальше?.. – отозвалась шепотом ее соседка. – Эх, если бы Муранов был снова свободен!..

– Я не мешаю вам, Летова с Болотовой? – осведомилась Ада Фурьевна, и шепот затих. – Итак, сейчас нам с вами

трудно. Часть нашего университета разрушена, и мы лишились некоторых подземных, а главное – верхних этажей, а вместе с ними большей части общежитий и столовой. В общежитии осталось всего около двадцати мест, их получают те студенты, у которых не было взысканий в прошлом году. Обедаете и ужинаете вы теперь прямо в зловоротне, благо она большая и там масса кафе, – фурия обвела глазками зал. – Ситуация у нас чрезвычайная, университет только что переехал и нам всем требуется максимум собранности и понимания. Многим студентам, как и нечисти, переехавшей в Петербург, негде жить. Многие столкнулись с жестокостью домового права, которое запрещает нам входить в дома и квартиры людей.

– Проклятое домовое право! Мы сначала наивные, думали, что можно просто квартиру снять, – прокомментировал один из студентов вампирского факультета. – Деньги хозяйке заплатили, просим ее – а теперь приглашение через порог нам скажите, просто набор слов и наши имена. Так она вдруг как обрадовалась и говорит: ага, я про такие случаи знаю! Вы сектанты с задвигами, просите церемоний с приглашениями войти. Теперь еще такую же сумму мне платите, чтобы я это приглашение сказала! А я буду его отменять, когда захочу, это приглашение свое, каждый день...

– Многие тоже так нарвались, – отозвался оборотень Рома Шнягин с другого конца зала. – Пробовали на таких хозяев воздействовать троллями, но морок слетает же постоянно.

Не таскать же с собой тролля в кармане...

– Я призываю не рваться на территории людей, а селиться там, где мы имеем право – в зловоротнях! – продолжала ректорша. – Вижу, что нелишним будет напомнить про этот пункт домового права. Как образовывается зловоротня, кто расскажет?

– Зловоротня – это место, где мы, нечисть, имеем право жить, – вскочив с места, торопливо начала рассказывать выскочка и отличница Лиза Маркина. – Зловоротня для человека место гиблое, угнетает человеческое сознание. Светлый в зловоротню не войдет никогда. Любая квартира, дом, двор, подземный переход становится зловоротней, если хозяин этого места – человек – сам стал нечистью, или был убит нечистью. Тогда его жилище становится зловоротней, куда разрешение на вход от людей не требуется, и там может селиться любой темный.

– Отлично, – похвалила фурия. – Но вы забыли сказать, Маркина, что обращение людей в нечисть происходит крайне редко. Поэтому зловоротен больше не становится, и нам нужно тесниться. К тому же многие семьи нечисти веками владеют собственной зловоротней. И что из этого следует? – многозначительно спросила Ада Фурьева.

– Ребят, кто из местных, колитесь – ведь некоторые семейки занимают и целый этаж, или подвал! – призвал Ганц. – У кого семьи такие богатые, отзываются, берите к себе остальных неприкаянных темных...

– Великолепная идея! – похвалила Ада Фурьевна. – Итак...

– Беру троих, Петроградка, около Чкаловской! – отозвался Игорь Хлынов, оборотень-старшекурсник. – Занимаем трехкомнатную, выделим комнатку...

– Могу разместить пятерых, метро Просвещения, – подняла руку Лиза Маркина.

– Двоих на Декабристов, но условия не зашибись! – крикнул Слава Шамаев.

– А Огнева что молчит?! Ведь ее квартирка в Питере тоже стала зловоротней... – послышался звонкий голосок фурии Вари Синициной, и Влада встrepенулась, когда на нее обратились все взгляды.

– Огнева, ты же теперь вампир, значит твоя квартира пригодна для наших! – продолжала фурия. – Говори адрес, а то сидит и отмалчивается. Где твоя вечная доброта?

– Я не хочу, чтобы кто-то жил в той квартире, – глухо ответила Влада. – Может быть, потом. Но не сейчас.

А ведь и правда, доброту и альтруизм, которым часто попрекали Владу в тайном мире, сейчас отшибло напрочь. Стоило только представить, как в той квартире, где звучал голос деда, где осталось столько воспоминаний, будут греметь студенческие вечеринки нечисти...

– Ты, Синицина, не командуй тут, права не имеешь! – встrepенулся Ацкий, соорудив своей бывшей возлюбленной рожу.

– Ян Вячеславович, а разве в вашем роскошном родовом гнезде мест больше нет? – осведомилась вдруг Ада Фурьева у какого-то белобрысого валькера в заляпанной пятнами ветровке. Тот сидел прямо на полу у кафедры и с улыбочкой в стиле: «идите вы все лесом» дирижировал карандашом в такт словам ректорши.

Влада удивилась, что к одному из студентов ректорша обратилась на «вы», да еще и по имени-отчеству.

– Ац, это кто? – она пихнула плечом валькера.

– Да новый декан у нашего Валькируса... Янчес! – удивляясь, что Влада не знает, ответил тот и показал большой палец. – Он питерский до мозга костей, потому в Носфер и не ехал работать. Клевый чувак, художник, этот... андеграунд... – Ацкий соорстил торжественную физиономию, справившись с непривычным для своего лексикона словом.

– Мать моя женщина! – вставая на ноги, выдал декан, который по внешнему виду мало чем отличался от студента-сташекурсника. – Госпожа ректорша, мое родовое гнездо скоро рухнет ко всем вурдалакам! Это вам не Носферон, никаких искривлений пространства, это вам Невский проспект и каждый метр на счету. А уборку никто делать не рвется...

Пока декан Валькируса пререкался с ректоршей, Влада, оторвав внимание от атриума, внимательно вглядывалась в стол. Надписи и послания будущим поколениям, которые чертили на нем все, кто заскучал на лекциях, наслаивались друг на друга культурными слоями. Здесь наверняка чиркал

карандашами и ее отец много лет назад, когда был студентом. Были и закорючки, которые накарябал Егор, наверняка были.

Влада напряглась, пытаясь распознать каракули Егора среди других. Вдруг он написал ей здесь пару слов, и именно ради них она приехала в Носферон? Все голоса в атриуме слились в общий гудящий фон, пока глаза пытались разобраться в безумных наскальных посланиях. Влада оторвала взгляд от стола, заметив, что ее локтем пихает Ацкий.

– Во, гляди, страдают куриные мозги, – прищурившись, валькер уставился в другой конец атриума. – Бесится, мечтает, что я вернусь, да щ-щас!

Влада взглянула на дальний ряд, где виднелась за макушками Синицина, которая презрительно улыбалась.

Ацкому же спокойно не сиделось: он выдрал лист из тетради, где записывал время лекций, накарябал на нем «СИНИЦИНА – ДУРА», и ловким движением, улучив момент, когда ректорша отвернется, отправил в полет по атриуму бумажный самолетик. Не долетев до адресата, самолет был сбит в полете точным плевком синицинского яда: бумага вспыхнула, и на головы студентам спикировал уже только пепел. На этот инцидент ректорша не успела обратить внимание: в атриум ввалились вурдалаки и те, кто вырвался из лап завхоза.

– Когда уже душевые в Носфере починят! – громко возмущался Стас Василевский. – Поселился в зловоротне у упы-

рей, так там однушка вообще без удобств, а теперь и в Носфере нормально не помыться!

– Радуйтесь, что поселились не у вурдалаков, Василевский, – посмеиваясь, посоветовал декан Валькируса, обернувшись и показав задорную физиономию с курносым носом и веснушками.

– Берем всех! – заорал дурным голосом Федя Горяев, вскакивая с места. – Мы всех поселим, кто захочет! И одеяла и подушки дадим – многа-а! У нас такая нора есть под Гостиным двором – о-о-о!!!

В атриуме повеселело, и очень вовремя – после разговоров о тяготах жизни нечисти у многих вытянулись физиономии.

– Так, в чем дело?! – Ада Фурьевна хлопнула рукой по столу. – Здесь не балаган! Старосты Синицина и Тановская, получите списки студентов, которым достались места в нашем общежитии. Чем вы вообще занимаетесь, Тановская, где вы витеаете?

А Тановская вовсе и не витала. Инга Тановская, староста факультета Троллеум, сидевшая в другой стороне атриума, сейчас впилась пылающим, полным ярости взглядом в самое ненавистное ей на свете существо.

Влада ощущала этот взгляд, но делала вид, что не замечает. Конечно, любовь Тановской к Егору была у всех на виду в свое время, только вот любовь была безответной.

– Тановская, вы слышите меня или нет?! – прикрикнула

Ада Фурьевна. Инга, наконец, очнулась и кивнула, с треском вырвав страницу из своей тетради.

– Я не понял ничего, – пробубнил Федя Горяев. – Особенно про столовую...

И все началось сначала.

Влада, уже не слушая по второму разу объяснения преподаши, вдруг ощутила, как в плечо ей ткнулся острым носом бумажный самолетик. На боку у него была надпись: «ОГНЕВОЙ».

Пришлось развернуть бумажку, хотя никаких записок она не ожидала.

Глаза пробежали по буквам, и Влада вздрогнула, будто ее облили ледяной водой.

«Ты ответишь за Егора!!!»

С дальних рядов ее светлил взгляд Тановской, а потом и сидящие рядом с ней тролли начали смотреть на нее – недобро, внимательно... Можно было не сомневаться – записка коллективная.

Горяев веселил атриум тупыми вопросами, но Влада ничего не слышала. Перед глазами все еще мелькали строчки из записки – «Ответишь за Егора». Злости на Тановскую не было – даже наоборот, что-то вроде солидарности. Молодец, что не испугалась так открыто высказаться, помня, какое положение в тайном мире занимает ее ненавистная противница.

Эх, Инга, да разве же она против отвечать за Егора? Каж-

дый день только и делает, что сама себе отвечает. Она сейчас здесь, в утреннем атриуме, вертит в пальцах авторучку. Чего-то ждет, живет. А где сейчас он, Егор? Он ведь ржал бы сейчас над Адким в занавеске, мечтал о завтраке и строил планы победы над некромантом. Ему сейчас, наверное холодно, больно, страшно. Стены атриума вдруг расползлись, стали кривыми окна, размазались лица. Слезы подступили к горлу и носу, резкая боль ударила по глазам.

К счастью, в этот момент в атриум ворвался завхоз Фобос Карлович:

– Я заявляю решительный протест! Мне сказали – бассейн воняет на весь Носферон, мол, я виноват! Но ведь чистить же кому-то надо! Вампиры отказываются, тролли не желают, подавай им помыться в душе, а мне что делать?! Московские водяные заполонили трубы, в них давка... с водяными уже ведутся переговоры, и нам обещают, что к ночи душевые заработают!

– В бассейн нужны добровольцы, – не терпящим возражения тоном заявила Ада Фурьевна. – Поднимите руки, желающие...

Радостный вопль Адкого оглушил Владу на одно ухо, и ей удалось незаметно смахнуть слезы на ресницах рукавом, пока валькер путался в занавеске, поспешно вылезая из-за стола.

– Я тоже доброволец! – Влада нехотя подняла руку.

Глава 5

Троллинг

Бассейн Носферона за полгода простоя действительно сильно изменился: когда-то светло-зеленоватая, но все же приятно пахнувшая вода превратилась в вонючую жижу ядовито-зеленого цвета, а болотная вонища спортзале стояла такая, что жгло в глазах.

Добровольцы, которым приходилось работать огромными граблями, шарили ими по булькающей зеленой поверхности бассейна, вытаскивая длинную зеленую лапшу, и даже что-то вроде кустарника, цветущего прямо под водой. Очень скоро вокруг бассейна нагромодились на стоящие зеленые горы высотой в несколько метров склизкие и вонючие.

– Распаковывать тетъзинские посылочки в сто раз хуже, мало ли что там светляки могли понапихать по дороге, – утешался вслух Марик, у которого нос и рот были перевязаны тряпкой. – Ничего-о, если не дышать слишком часто, то терпимо.

– Конечно, терпимо, – соглашался с ним оборотень Слава Шамаев, орудуя граблями. – Ацу вон вообще хорошо...

Оба повернулись к зеленым кучам, на вершине которых сидел валькер. Тот уже избавился от занавески и тщательно обмазывался зеленой жижей, которую загребал ладонью.

– У-ух, супер... – повторял Ацкий, который был уже полностью ярко-зеленого цвета от подошв до кончиков крыльев. – Ух, класс! Аха-ха-а-а... и вкусно даже...

Слава, глядя на Ацкого, вдруг схватился за живот и быст-

рыми перебежками кинулся прочь из зала.

– Минус один, – вслух сосчитала Влада, отбросила в сторону грабли и присела отдохнуть на лавочку у раздевалок. Вонь в спортзале была невыносимая, но Влада терпела, решив, что нужно самой убедиться в том, что Ацкий восстановился и может летать, а пока придется нянчиться с ним, как с маленьким.

«Добровольцев» в спортзале все-таки еще оставалось немало: Марик, двое оборотней со старших курсов, Дрина и еще несколько кикимор, которые держались очень стойко.

Поначалу Влада переживала, не зная, как поздороваться и заговорить с Дриной и Мариком, ведь те были друзьями Егора. Да что там говорить – просто боялась, что они возненавидели ее – как Тановская. Но к ее удивлению и радости, оба заговорили с ней, хотя поначалу и напряженно.

Глядя на упыря и кикимору, Влада подметила, что и они за прошедшие месяцы тоже повзрослели: стали вести себя сдержаннее. Тема разговоров про статус Влады негласно стала табу, и ее старательно избегали. Марик доброжелательно улыбался и даже уступил Владе грабли подлиннее, а Дрина, хихикая, рассказала, как завхоз вчера подрался в душевой с водяным, когда подключал воду.

Сквозь плотный вонючий туман, висящий в спортзале, в огромных окнах можно было с трудом рассмотреть окружающий пейзаж. Раньше там бурлила оживленная Сухаревская площадь, а теперь невысокие дома центра Питера, которые

были родными для Влады и глубоко возмущали московских студентов.

– Не привыкну я никогда без Москвы, – ворчал упырь Костя Жилкин, отшвырнув грабли и плюхаясь на лавку рядом с Владой. – Все говорят – Питер, Питер, тут бал Темнейшего, тут охрана вокруг города, круто! А я не понимаю, почему здесь летом по ночам светло, почему зимой идешь по улице – светло еще, а зашел в магаз на десять минут, вышел – уже темно. И вообще... мне Сухаревская до сих пор снится.

– У тебя просто московские задвижки. Когда Носферон был в Москве, мне Питер снился, – грустно улыбнулась Влада, и заметила, что в глазах упыря читается немой укор, будто все это произошло из-за нее. – А в общагах кто убирается? Или там еще ничего не трогали?

– Да завхоз все прибрал! – ухнул Марик, присаживаясь рядом. – Ведь разрушения же были, там куски стен валялись, всю мебель переломало. Все здание, когда шторм в янве начался, трясло как при землетрясении! По-моему, и сейчас тоже... слегка покачивает, – вдруг сказал Марик, хватаясь за скамейку, на которой он сидел. – Я серьезно.

– Да-а, есть немного, – согласилась Дрина. – Но будто на корабле плывем, и его качает на волнах. Огнева, чувствуешь?

– Не-а...

Хотя Владе и самой уже казалось, что спортзал стоит как-то неровно, она упорно решила добиться хоть какого-то от-

вета.

– Ребят, но, может быть, какие-то вещи из общаги кто-то забрал? – Влада не стала прямо упоминать про Бертилова. – Может, чьи-то забытые вещи...

– Тановская копалась, когда шкафы переломанные вытаскивали, – пожал плечами Марик. – А что? Ух ты, как сейчас качнуло, да?! И альбатросы кричат...

В спортзале раздались шаги – вошла Лиза Маркина, оставилась, прижав руку к носу.

– Завхоз сказал, что пойдет новая партия добровольцев сюда, а вас пора выводить, – сдавленно проговорила она. – А вот это – в первую очередь...

Лиза кивнула на вершину зеленых куч. Влада уже несколько минут слышала странные вопли на фоне разговора, которые Марик называл криками альбатросов, но даже не подумала, что их издает Ацкий. Сведя глаза к переносице, валькер приплясывал на вершине кучи из водорослей, прыгая и разбрызгивая вокруг себя зеленую жижу.

– Эй, Ац, ты чего? Давай-ка, спрыгивай – держим...

Ребята, с трудом встав со скамейки, обступили гору, но валькер не отреагировал, а простер перед собой вытянутую руку и начал орать:

– На берегу пустынных волн стоял я, дум высоких полн! Я ацкий демон, исполин! Упырей я всех начальник и кикимор господин!!! Йохо-хо....

Не сговариваясь, все ринулись стаскивать валькера. Ац-

кий с трудом ворочал языком и передвигал ноги, неся чушь, которую умудрялся рифмовать в стихи.

– В медпункт его надо, – сообразил Марик. – Там Тойво как раз сейчас есть...

Медпункт, который находился на первом этаже, тоже переживал переезд: стеклянные шкафчики стояли распахнутыми, повсюду громоздились коробки, склянки, пахло лекарствами.

Но медбрат Тойво, стоило ему только увидеть ворвавшихся в медпункт ребят, напрочь забыл про свой знаменитый прибалтийский акцент и начал кричать и махать руками.

– Вы каждого дыхнувшего бассейном будете сюда тащить, когда у меня тут с таким трудом чистота наведена, та-а? – завопил он. – В душ его... тьфу, душ не работает... На улицу его, на улицу, там дождь сейчас, ливень, и сами туда же, немедленно!

Ощущая себя частью табуна лошадей, которые бегут на водопой, Влада обнаружила себя на улице, на Конногвардейском бульваре. Тойво оказался прав – свежий холодный воздух и дождь прочищали голову лучше любых лекарств.

Город поливало ливнем: по асфальту бежали бурные реки, в которых плыли пузыри. Ветер плевался охапками ярких листьев, а вода грохотала по крышам, хлестала по зонтам прохожих. День уже закончился, а разгром вокруг зловоротни не уменьшился: мокли горы вырытой вурдалаками земли, мокли клочья тетезинской упаковки, мокли уставшие

студенты. Радовался жизни только ярко-зеленый валькер.

Ацкий стоял посреди Конногвардейского бульвара, раскинув руки и задрал голову вверх. Струи дождя смывали с его тела зеленую грязь, обнажая кожу без шрамов и ожогов, как будто их и не было. Зеленая тина шипела и пузырилась под дождем, а глаза валькера с каждой секундой разгорались все ярче синими огнями в наступивших уже сумерках.

Проходившая мимо группа людей остановилась, откинув зонтики и с интересом глядя на эту сцену. Кто-то достал мобильный, начал снимать, слышались смешки. Напевая что-то себе под нос, валькер медленно расправил блестящие от дождя черные крылья – смотрелось это величественно и даже торжественно.

Новость про фокусы Ацкого разнеслась по Универу, и из словоротни выбежали ребята: всем хотелось посмотреть, что будет дальше.

Влада, глядя на него, вдруг подумала – вот она, другая сторона нечисти, как недавно увиденная другая сторона фуррий. Смешливый Универский ловелас, к которому она уже привыкла, сейчас выглядел иначе, – величественно и торжественно, будто какой-нибудь демон.

– Эй, косплейщики совсем берега потеряли! – смеялись люди. – Как механизм-то крыльев собрал, чувак? Под кого косишь?

Смешки, полетевшие в Ацкого, мобильники с включенными камерами, комментарии, все это еще продолжа-

лось, – только вот валькер вдруг начал медленно подниматься вверх, делая крыльями движения, будто ввинчивался в воздух. Еще несколько секунд, и он оказался над верхушками деревьев, а потом исчез наверху, в дождевой темноте.

Этот момент перемены поведения людей – с издевательских насмешек в озадаченное молчание Влада наблюдала не раз. Сейчас сработает дневное право, классически и неотвратно.

– Нормально так... – изрек кто-то из «свидетелей Ацко-го». – На вертолете его вверх подняли, типа?..

– Вот как Димка вертикальный взлет умеет, а?! – восхитилась валькирия Юлька Красавина, задрав голову вверх. – Высший пилотаж. Синицина хоть вида не показывает, а рвет и мечет, рыдала целый час в туалете...

– Он глупостей не наделает, Юль? – Влада, чувствуя себя муравьем, который пытался воспитывать орла, понимала, что вопрос бесполезный.

– Ац умеет делать глупости, – с видом специалиста ответила та. – Но он их на земле делает. Если бы ты была из наших... в смысле – из летучих, то понимала бы, как классно он летает. Он бог на высоте, многие говорят, что он летает даже лучше Янчеса...

«Хорошо хоть одна из моих проблем улетучилась, и бегать за валькером мне больше не нужно. Плохо то, что никаких подсказок от Егора я в Носфере до сих пор не нашла...» – Влада, держа испачканные в зеленой тине ладони под до-

ждем, чтобы они отмылись, вдруг поняла, что и сама сильно надышалась болотом, и теперь у нее разламывается от боли голова. Да и остальные студенты Носферона настолько устали, что неохота было язвить над людьми про дневное право и невидимые вертолеты.

И хотя люди все еще продолжали стоять на бульваре и высматривать, не появится ли снова странный парень с крыльями, Влада отвернулась, не став ловить их эмоции.

Раз решила держать свои силы на человеческом уровне – пусть так и будет.

* * *

К счастью ночью заработали обещанные душевые на первом этаже. Влада отстояла длинную очередь и с наслаждением забралась под горячий душ, смывая с себя брызги воюющей тины. Изредка сток начинал яростно булькать, когда на поверхность доносились отголоски идущей где-то в глубине труб войны между мотовскими и местными водяными. В раздевалке шумели голоса: копались и расчесывались девчонки, которые сушили волосы феном, громко обсуждали триумфальное появление Ацкого и перекошенное лицо Синициной.

– Кстати, девочки... сегодня еще будет на что посмотреть, Тановская не в себе, – многозначительно и громко заявил голосок Дрины, и Влада вдруг поняла, что это предназначено

для нее.

Влада и без предупреждений кикиморы прекрасно понимала, что расправы и мести Тановской ей не избежать. Это было и хорошо и плохо: хорошо, потому что от Тановской она могла получить *ту самую весточку*, и плохо в том плане, что сил на то, чтобы отразить нападение мощной троллихи, просто не было.

«Нападет, но вопрос – когда? Меня все-таки распределили в общежитие при Носфероне, Инга живет там же. Дождется ночи и нападет? Но мне-то надо просто поговорить...»

Расчесывая спутанные мокрые волосы перед зеркалом, Влада поглядывала на дверь: раздевалка пустела, девчонки спешили на ужин, и очень скоро она осталась в ней одна.

Настала очередь фена, и он зашумел, взвивая горячим ветром волосы выше затылка. И только, когда Влада стряхнула волосы с глаз и глянула в зеркало, у нее за спиной отразилась Тановская.

– Ну наконец-то, Инга. Я уж сама хотела идти тебя искать.

– Что-то не похоже, что ты сильнейший вампир, – презрительно начала троллиха. – А еще говорят, что Гильс в тебе разочаровался и бросил.

– Все возможно, – Влада старалась говорить как можно спокойнее и доброжелательнее. – Спасибо, что не напала со спины.

– Успею, – так же спокойно отозвалась Тановская. – Видишь ли, Огнева... Для тебя мало будет того, что я тебя про-

сто убью, – а я это сделаю, можешь не сомневаться. Сначала ты выслушаешь. Так вот – Егор для меня был всем. Всем, но тебе же не понять, ты же у нас элита! Он входил в атриум, на него орала Ада, Лина – да любой препод. А я смотрела и понимала – у меня есть смысл жизни. Только вот он выбрал все равно не меня, хотя я его не виню. Потому что ты ведьма проклятая, ты тварь с поганой кровью, ты его приворожила к себе, забрала, хотя он тебе был не нужен! Тебе оба они нужны были, и Муранов, и Егор! И мой... я повторяю – *мой* Егор из-за тебя... – Инга напряглась, чтобы продолжить, явно поборов нарастающую истерику. – Да вообще все плохое в тайном мире из-за тебя! Мы все слышали, что некроманту была нужна ты, твоя жизнь. Если бы не ты, войны бы в тайном мире не было! На нас бы не напали... Аты обнаглела и приперлась в Носферон – полюбуйтесь на нее...

Ну вот и Ингу было не узнать, очередное повзросление. Раньше троллиха могла только выдавать туповатые фразочки, либо просто молчала и пыхтела.

– Хорошая речь, Тановская. Насчет всего тайного мира не знаю. Но из-за Егора, да, я виновата. Послушай...

– Ты собираешься оправдываться?! – троллиха сделала круглые глаза. – Ты, дрянь, еще смеешь пытаться выкрутиться?!?

– Если ты начнешь драться, тебя за это выставят из Универа. Оно тебе надо?

– Ой, какая забота обо мне! – Инга широко раскрыла гла-

за в притворном удивлении. – Не рассчитывай, что будешь продолжать учиться в Носфероне и крутить хвостом после того, что ты сделала с Егором. Не думай, что я спокойно буду тебя терпеть! Нет у тебя будущего в Носфероне! Ясно?!

– Ясно, – ответила Влада. – Но и ты не думай, что я пришла в Носферон, чтобы учиться. Хочу спасти Егора. Ты можешь мне?

Инга некоторое время озадаченно молчала, но потом на ее лице отобразилось презрение.

– Я не верю твоей лживой брехне, – прорычала Тановская. – Вывернуться хочешь!

– Хватит, Тановская, – Влада с трудом осталась спокойной. – Ненавистью ты ему не поможешь. Я повторяю, что я здесь не для того, чтобы учиться и продолжать студенческую жизнь. Не для этого. Мне нужна вещь Егора – любая. Карандаш, куртка, конспект – ведь ты же забрала все его вещи, я это знаю!

– Чего-о?!

Душевая вдруг дернулась назад, а затылок пронзила боль. Что-то грохнуло и зазвенело под ногами.

– Я знаю, что он заменил тебя собой, и погиб вместо тебя. Так сделай то же самое ради него! Слышишь, Огнева? Замени собой Егора, чтобы он жил!

Голова, казалось, сейчас разобьется о кафель, треснет, будто яичная скорлупа. А медальон на шее врезался в кожу настолько, что дыхание остановилось. Нет, паучья нежить

Мурановых, даже если и наблюдала за этим всем, к счастью, не вмешивалась, как и обещал Герка. Никаких привилегий, все по-честному.

Все же какие-то собственные силы в резерве еще оставались: руки смогли оторвать лапищи Тановской от шеи и отвести в сторону. Не нанести ответный удар: просто защититься.

– Я не... знаю... как! – вместо голоса из горла вырвалось что-то вроде хрипа. В осколке висящего на стене зеркала, который болтался, как маятник на стене, мелькнула разгромленная душевая. Почему-то дверь ходила ходуном – а через секунду вылетела, разбив кафель на противоположной стене. В душевую ворвались студенты, Тановскую оттащили в сторону.

– Прекрати-и-ить!!! – донесся вопль ректорши откуда-то издалека.

Влада зажмурила глаза, слыша только крики, треск осколков под ногами, рычание Инги...

– Девки, совсем спятили?! – отчитывал Ганц, удерживая Ингу, которая норовила лягнуть его и вырваться. – Ада сюда бежит, ну, держитесь!

Ада Фурьева, ворвавшись в душевую, увидев разгром, кровь из носа у Влады и обезумевшую троллиху, которая продолжала орать, оценила обстановку не в пользу Тановской. Та получила меткий плевок ядом в глаз и бросилась к умывальнику, подвывая и промывая распухающее веко.

Но ректоршу сейчас интересовала не только драка.

– Почему я не могла пройти сюда в течение нескольких минут?! – раздался за дверями душевой ее голос, по тихому звучанию которого можно было догадаться, что грядет буря. – Вы что же, Троллеум, закрыли непроглядом вход... мне, ректору Носферона?!!

Влада, хромая и держась за стены, вышла в коридор. Там толпились студенты Троллеума, почему-то одетые в белые грязные майки, вокруг сверкал угольями глаз вампирский факультет – все злые, напуганы...

Ада Фурьевна сейчас напоминала одну из тех фурий, которые преследовали поезд – почти перейдя в иное, страшное состояние нечисти. Уже не маленькая, ехидная женщина в яркой аляповатой одежде, а то, с чем неохотно стал бы связываться даже вампир.

– Уничтож-жу!!!!!! – шипение с клекотом вырывалось из неестественно вытянувшегося рта ректорши: – Уничтожу, размажу, мерзавцы!!!! Посмели меня, ректора Носферона, задерживать непроглядом, мороком?! Прикрывали мерзкую драку, чтобы расправиться со студенткой, и никто вам не помешал!!

– Намалевали-то на себе, – добавил Ганц. – Неумно, ребята...

Влада не сразу поняла, о чем он говорит, пока не заметила, что у всех троллей напялены белые футболки, и на каждой одна и та же надпись. Буквы от фломастера расплылись на ткани, но все же прочесть можно было: «ОГНЕВА, ГДЕ

ЕГОР?»

Взгляд фурии прошелся по лицам и остановился на футболках троллей.

– Это что такое?!! – сиреневый ноготь фурии ткнул в их направлении. – Как это понимать?!!

– Она виновата в его смерти, – тихо ответила вышедшая из душевой Инга, не отрывая ладони от глаза. Щека у нее начала раздуваться, будто от флюса.

– Немедленно марш в общежитие и переодеться, – командовала Ада Фурьевна. – А потом вы будете писать объяснительные в деканате. Все, кто в этом участвовал. И учтите, Тановская, что вы на грани исключения!!

– Я?! – Инга задохнулась, и лицо у нее стало багровым. – Почему я, если надо гнать ее! Пусть она заменит собой Егора, она просто не хочет!

– Не сме-е-еть!!!!!!!!!! молча-а-а-ать!!!!!! в декана-а-ат!!!!!!!!!!

Каждую фразу фурия выдавливала, как порцию яда, сгорбившись и будто готовясь плюнуть в первого же, кто попробует ей возразить.

– Ада, Фурьевна, простите Тановскую, она просто помешалась на Бертилове! – взмолилась вдруг Жанна Болотова. – Пожалуйста, простите ее, у нее этот... аффект! Огнева наверняка напала первая, она же в прошлом году уже так делала!

– Да Огнева, точно! – вдруг выдал Колыванов. – Ада Фу-

рьевна, я сам видел – Огнева напала! Она же сильнейший вампир, вы же знаете!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.